

"Фенечка для фиолетовой феи"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Глава 1

Мотоцикл не роскошь

Конечно, у него был не навороченный байк, а всего лишь старенький мотоцикл «Иж», который ему наконец-то отдали в полное владение. Мотоцикл долгое время ржавел на даче, поскольку отец давно уже подарил свое сердце бежевой «Ниве». Конечно, «Нива» – это вам не «Мерседес» или «Ауди», но для дачных дорог с ухабами и рытвинами – самое то.

Вместе с отцом они привели «Иж» в порядок: вычистили его, смазали, где надо, заменили кое-какие мелкие детали, а также руль, седло и багажник. Уже без отца, совершенно самостоятельно, он выкрасил мотик черной эмалью из баллончика, а на баке с двух сторон красной краской через трафарет сделал рисунки летучей мыши. Старший брат на день рождения подарил ему клевый мотоциклетный шлем – фирменный, с темным тонированным стеклом, а двоюродная сеструха помогла специальным степлером насажать на старую кожаную куртку металлические заклепки. Мама долго ругалась, поскольку считала, что они с Веркой испортили еще вполне годную для носки вещь, но потом вынуждена была смириться. Конечно, куда денешься: теперь ведь на куртке останутся дырки, если заклепки снять.

Мама вообще была недовольна всеми: и отцом, и братом, и Веркой, и, главное, конечно, мотоциклом. Она кричала, что мальчик еще несовершеннолетний, что у него нет прав и что на дорогах его непременно собьют оголтелые «новые русские» на своих «шестисотых». На это отец отвечал ей, что права сын непременно получит в свое время, а ездить пока будет только по их дачному поселку. Он считал, что на их разбитую дорогу хозяин «мерса» свернет только в состоянии крайнего расстройства нервной системы, чего у них, у «новых русских»-то, ввиду наличия большого количества денег, никогда не бывает. Последним отец выдвинул такой аргумент: заниматься мотоциклом в сто раз лучше, чем сидеть на чердаке у бабки Старостиной и вместе с другими неприкаянными парнями курить какую-нибудь гадость.

На подобное заявление мама не смогла сразу ничего ответить и временно замолчала, обдумывая новое контрнаступление. И поскольку вышеназванное мамино обдумывание несколько затянулось, сын, заправив узкие черные джинсы в высокие шнурованные ботинки, каждый вечер отправлялся на своем мотоцикле гонять по поселковой дороге. Иногда он уезжал и гораздо дальше поселка, но родители, к счастью, пока об этих дальних его вояжах не догадывались.

Глава 2

Фиолетовая Фея, Овца Долли и другие

Ксения нехотя собиралась в школу. Угораздило же родителей поменять квартиру на другую именно в этот район! Тут все какие-то недоделанные. А как ее вчера в классе рассматривали... будто она какое-то насекомое! Конечно, сами они не такие: приглаженные, одинаково причесанные... ну просто клонированные овцы. Особенно противной показалась одна девчонка в белых кудряшках, у которой аж губки скривились на сторону, когда она увидела фиолетовую стрижку Ксении. Вылитая овца! Точно! Пожалуй, эту, в кудряшках, стоит звать Овцой Долли. Ксения тихо рассмеялась.

А классная руководительница! Как ее там зовут? Инесса Аркадьевна, что ли? Или не Аркадьевна... Она тоже прицепилась к фиолетовым волосам: убрать! состричь! перекрасить! Похоже, эта Инесса умеет говорить только восклицательными предложениями с глаголами в повелительном наклонении. Но это ей не поможет, Ксения не станет ни стричься, ни перекрашиваться. Она имеет право ходить с волосами любого цвета, поскольку на учебе это никак не отражается. Ксения так и сказала об этом классной даме, ткнув ей в нос свой прошлогодний дневник, где, кроме пятенок и четверок, других отметок не значилось. Но Инесса все равно продолжала восклицать: сменить цвет волос на менее вызывающий!

А потом она сменила тему: стереть с ногтей черный лак! Ксения посмотрела на свои ногти. Лак начал шелушиться, и если бы не Инесса, она, пожалуй, и сама бы его стерла, но теперь... Ни за что! Ксения достала с полочки свой любимый ядовито-зеленый лак и на облупленные места насажала яркие флуоресцирующие пятна. Вот теперь Инесса наверняка свалится со своих тонкокаблучных копытец!

А как она вчера вздрогнула, когда Ксения представилась классу:

- Золотарева Ксю.
- Как-как? - переспросила Инесса.
- Ксю, - повторила Ксения.

Инесса пожевала губами и, будто обращаясь к душевно больной, с присюсюкиванием спросила:

- Может быть, ты разрешишь называть тебя Ксюшей?
- Нет! Не разрешаю! - жестко ответила Ксения любимыми классной руководительницей восклицательными предложениями. - Или Ксю, или Ксенией! Никаких Ксюш! Мне не пять лет и даже не десять!

По классу прокатился ропот удивления пополам с недовольством. Ну и что? Какое ей до них дело? Она с независимым видом прошла на своих огромных платформах на указанное место. Когда она села на стул, то разрез длинной узкой юбки разъехался в стороны до самого бедра. Инесса этого видеть не могла, зато парень, сидящий на другом ряду против Ксении, покраснел, отвел глаза и в ее сторону больше не смотрел. Ой-ей-ей! Какие мы нежные! Какие целомудренные! Можно подумать, телик не смотрит или журнальных обложек в киосках не видел! У Ксении, между прочим, все при всем: и ноги длинные, красивые, и ничего лишнего она в разрезе не демонстрирует. С чувством меры у нее все в порядке.

С ее экспериментами с внешностью даже родители смирились. Правда, когда Ксения выкрасила волосы фиолетовой краской, мама тоже возмутилась, так что пришлось долго доказывать ей, что это идеальный дополнительный цвет к зеленоватым глазам и к любимому зеленому свитеру. Убедить маму, похоже, не удалось, но от Ксении она все же отстала. Махнула рукой, как она говорила.

Ксения запихнула в рюкзачок последний учебник и отправилась в школу. В вестибюле в качестве дежурного администратора учащихся встречала директор школы Алевтина Николаевна. Она поманила Ксению к себе, отвела к окну и, положив руку ей на плечо, сказала:

- Мне не хотелось бы тебя огорчать, но твоя одежда и макияж выглядят слишком вызывающе.

Ксения, поежившись, стряхнула с себя руку директрисы и напомнила ей:

- Школьную форму отменили уже лет десять назад.

- Ты права, - вынуждена была признать директриса, - но существуют определенные нормы. Рабочая одежда, а в школе вы именно работаете, должна отличаться от той, в которой ходят на пляж или на дискотеку.

- Что вы, что вы! - Ксения невинно захлопала зелеными ресницами. - На дискотеку я одеваюсь абсолютно по-другому!

Она надеялась, что директриса завизжит от злости, над чем можно будет и посмеяться, но та оказалась человеком других правил.

- Понятно, - сказала она, подхватив тон Ксении. - Вероятно, ты ходишь на дискотеку в пионерской форме. Это похвально, но все же завтра прошу тебя заменить зеленую тушь для глаз на черную или коричневую, топик - на рубашку или блузку, закрывающую живот, а брюки - на другие, нейтрального цвета. О волосах мы уже говорили, повторяться не будем, а вот помаду, пожалуй, тоже стоит отметить. У тебя в ней такой вид, будто ты сейчас вгрызешься мне в шею. Я запрещаю тебе пугать младшеклассников!

Закончив свою речь, Алевтина Николаевна вернулась на покинутый пост. Ксения стояла в состоянии некоторого замешательства. Да... Так с ней еще никто не разговаривал! Что ж, приятно встретить достойного собеседника. Но даже директорская ядовитость не заставит Ксению изменить себе.

Когда она вошла в кабинет географии, новые одноклассники встретили ее настороженным молчанием. Под взглядами двух десятков пар глаз она гордо прошествовала к своему месту. Сесть на стул она не успела, потому что парень, сидящий сзади, сощурившись, остановил ее вопросом:

- В пупок не дует?

- Закаленный! - мгновенно отреагировала Ксения и, кивком показав на его махровую толстовку, спросила: - А ты не потеешь?

Кто-то в классе коротко хихикнул, и снова воцарилась напряженная тишина.

- А я временами проветриваю, - не смутился парень и так рванул «молнию» на груди, что она тоненько взвизгнула.

- Ой, посмотрите, - нараспев проговорила та самая девчонка, которую Ксения про себя окрестила Овцой Долли. - Сейчас Германович нам стриптиз организует. Ты бы вышел, Стасик, из-за стола, а то плохо видно!

- Тебе, Брошка, смотреть нельзя: ты очень впечатлительная, - весело посматривая на Долли, отозвался тот, кого называли Стасиком Германовичем. - Влюбишься - за уши не оттащишь!

Одноклассники облегченно рассмеялись, напряжение ослабло, а Овца Долли села на свое место, бросив Германовичу через плечо:

- Гляди, как бы тебя оттаскивать не пришлось!

Ксения тоже опустила на стул. А Германович, кажется, ничего. Веселый и не злой. Только вот имя... Стасик... Не имя, а пирожное со взбитыми сливками... Интересно, почему Овцу

называют Брошкой? Может быть, из-за волос? Под лучами солнца, бьющего в окно, ее кудряшки блестели и отливали платиной. Пусть они себе блестят хоть бриллиантами, но для Ксении эта девчонка навсегда останется Овцой Долли.

Ксения почувствовала взгляд сбоку и повернула голову. Парень, который вчера жутко покраснел при виде ее разреза, поспешно отвел глаза. Ксения тихо, но так, чтобы он слышал, пробубнила:

- Прости, но сегодня я в брюках.

Она нагнулась над рюкзаком и поняла, что вообще-то промахнулась: короткий ядовито-розовый эластичный топик самым коварным образом полез вверх. Еще немного, и Германович будет иметь счастье видеть, какое на ней белье. Ксения резко выпрямилась. Придется весь день сидеть с железной спиной. Удовольствие, прямо скажем, ниже среднего. Ладно. Придется потерпеть. Завтра она вместо толика и бирюзовых брюк наденет облегающую блузочку кислотного оранжевого цвета и, пожалуй, опять ту юбку с разрезом. Пусть парнишка порадует. Она бросила взгляд на соседа справа. Он взгляд почувствовал, потому что лицо его мгновенно сделалось багровым. Ксения подождала, пока багровость с его лица доползет до шеи, презрительно хмыкнула, отвернулась и придвинула к себе учебник географии.

После уроков по дороге к дому ее догнал Германович и пошел рядом. Некоторое время они молчали, потом он сказал:

- Мне кажется, на твоей голове не хватает ирокеза.

- Да? - Ксения, не ожидавшая такого заявления, слегка опешила.

- Ага! Я прямо вижу его - фиолетовый гребень ото лба к затылку. Тебе пойдет.

- Ну что ты! - пришла в себя Ксения. - Это же вчерашний день! Я, знаешь, обдумываю другой вариант: может быть, остричься наголо? Как ты думаешь?

- Полностью одобряю! - Германович показал вытянутый вверх большой палец. - А вообще-то... ты откуда взялась такая?

- Какая?

- Ну, такая... экстремальная. - Германович широко и обезоруживающе улыбнулся. И Ксения, которая уже готова была сказать ему какую-нибудь гадость, резко расхотела это делать.

- Вообще-то мы переехали из другого района, - улыбнулась она в ответ.

- А в том, вашем, районе все такие... фиолетовые?

- У нас там всякие, - почему-то вдруг обиделась Ксения. - А вот Стасиков, - она нарочно просюсюкала его имя, - не наблюдалось.

- Стасик - это для избранных, - резко затормозил Германович, оглядывая ее снизу доверху, - а для тебя я - Стас или Станислав Сергеевич! Сечешь? - И, не дожидаясь ответа, он пошел в противоположную от нее сторону.

Ксения поморщилась. Пожалуй, она переборщила. Германович ей понравился. И чего ее понесло? Может, в самом деле обриться наголо? Вот Станислав Сергеевич вздрогнет!

С порога, не сняв обуви, мама тоже запела песнь про фиолетовые волосы:

- Ксения, хватит нас срамить! Я прямо не знала, что сказать вашей директрисе. Со стыда с тобой сгоришь, честное слово!

- Ты что, ходила в школу? - изумилась Ксения.

- Я не ходила в школу. Зато я приходила на обед. Лучше бы не приходила... - Мама наконец переобулась в тапочки. - Звонила Алевтина Николаевна и очень просила разобраться с твоей головой.

- Разбирайся! - Ксения, дурачась, стала на колени и склонила шею перед мамой. - Руби!

- Мне не до шуток! - рассвирепела мама. - Я уже устала отвечать на вопросы знакомых, почему моя дочь ходит, как кикимора с детского утренника. По-моему, они считают, что у тебя не все дома.

- Вот видишь! Скоро и Алевтина Николаевна будет того же мнения и от тебя отстанет.

- Ксения! Мне стыдно! - Мама перехватила другой рукой хозяйственную сумку, которую на нервной почве забыла отнести на кухню. Из объемистого нутра сумки торчали две желтые куриные ноги со скрюченными когтистыми пальцами. - Я обещала директору, что ты перекрасишься в нормальный цвет.

- Мамочка! - Ксения вскочила с колен. - Мой взгляд, например, оскорбляет средневековый костюм Алевтины Николаевны в такую... жуткую клеточку... Я же ничего, терплю. Почему я в угоду ей должна перекрашивать волосы?

- Потому что у людей не бывает фиолетовых волос! У них от природы другой цвет, понятно?

- Да? А разве от природы у людей бывают сиреневые губы? Зачем ты их красишь в такой странный цвет?

- Ксения! Мне уже за сорок. Я - взрослый человек, в конце концов!

Раздраженная мама ходила взад и вперед по комнате, угрожающе размахивая сумкой с курицей. Желтые ноги по-прежнему жалко кривили пальцы с синеватыми когтями.

- И почему это вам, взрослым, все можно? Кто так распределил? Кому мешают мои волосы?

- Знаешь что... - Мама перестала метаться и села на диван, как в вагоне метро, поставив сумку себе на колени. Куриные когти царапали ее вздымающуюся в волнении грудь. - Существуют определенные нормы поведения. Ты же не пойдешь по улице голой, хотя это никому не помешает.

Ксения задумалась, потом вытащила из маминой сумки пакет с когтистой птицей и заявила:

- Так и знай. Я не стану перекрашиваться. Ни за что! Твоя директриса, конечно, может попытаться выгнать меня из школы, но я тогда... пожалуюсь в ООН на ущемление моих прав. Ясно?

- Ну нет! Хватит! - Мама вырвала из рук дочери птицу прямо за желтые ноги. - Или ты перекрашиваешься, или...

- Что «или»?

- Или... - мама беспомощно хватала ртом воздух, - или... я не хочу тебя знать!

И тогда Ксения резко развернулась, схватила со стула свитер и выбежала из квартиры. Из ослабевших рук мамы с противным чмоком упала на пол несчастная кура, единственный молчаливый свидетель их разговора. Из-под ее закрытого сморщенного века выкатилась мутная размороженная слеза.

Глава 3

Ужас, Летящий На Крыльях Ночи

На улице было прохладно и темно. Ксения шла по тротуару и продолжала мысленно спорить то с мамой, то с директрисой. Потом она вспомнила Темку, своего приятеля по старой школе. Он отрастил густые пепельные волосы почти до пояса, и никто ничего против этого не мог сделать. Единственная уступка взрослым, на которую он пошел, состояла в том, что в школе он перетягивал волосы резинкой в хвост. Кроме невозможной для восьмиклассника прически, Темка еще и весьма неординарно для средней школы одевался. Его черные джинсы были сплошь перечеркнуты специально, с большим искусством выполненными горизонтальными прорезами. При этом длинные ноги молодого человека напоминали два ствола березы в негативном изображении, а именно: белые неровные полосы на черном фоне. Прорезы Темка небрежно скалывал большими английскими булавками и никак не реагировал на едкие замечания противников его стиля, что он как-нибудь чего-нибудь себе такое уколует, о чем потом всю оставшуюся жизнь будет долго и слезно жалеть. Джинсовая куртка Темки была украшена разноцветными надписями на непонятном языке, выполненными необыкновенно ядовитыми маркерами. Вместо школьной сумки или рюкзака он носил учебники и тетради в холщовой суме на длинной, плетеной косичкой ляжке. Ребята за эту суму на ляжке через плечо называли его бурлаком, с внешним видом коих они ознакомились на литературе, изучая бессмертное творчество поэта Некрасова Н.А. Глядя на Темку, Ксения и выкрасилась в фиолетовый цвет. Она не была влюблена в него, но ей очень хотелось понравиться ему, стать Темке другом, а для этого надо было как-то соответствовать ему. Темка фиолетовость Ксении мгновенно оценил, взял ее в свои оруженосцы и в короткое время научил быть абсолютно независимой от взглядов и мнений окружающих, то есть от серой толпы. Темка очень огорчился, когда узнал, что Ксения переезжает на другой конец города. Он подарил ей на прощание кожаный браслет с бахромой, который лично изготовил из брошенной матерью старой сумки. Первое время он позванивал ей, узнавал, как дела, а потом звонки его прекратились. Ксения подумала, что он нашел другую понимающую его подругу, и не обижалась.

За размышлениями и воспоминаниями Ксения не заметила, как вышла на старую окружную дорогу. Она остановилась у фонаря возле остатков чугунного ограждения и задумалась. Что дальше делать? Придется возвращаться домой, ведь больше идти все равно некуда. Неужели придется им всем, взрослым, уступить?

Ксения совсем было собралась с силами, чтобы повернуть к дому, когда прямо перед ней тормознул мотоцикл.

- Хочешь прокачу? - спросил мотоциклист, не снимая шлема с тонированным стеклом.

Ксения в испуге отшатнулась.

- Не бойся, - усмехнулся парень. - Я тебя знаю. Ты Ксения Золотарева из 9-го «В».
- Допустим... А ты кто?
- Ты не знаешь... Я из другого класса...
- Из какого?
- Это для тебя имеет значение?
- Конечно, имеет. Может, ты все врешь... Ну-ка, скажи, как зовут нашу директрису? И вообще, почему ты не снимаешь шлем?
- Нашу директрису зовут Алевтиной Николаевной, а вашу классную - Инессой Аркадьевной. И если ты хочешь... - Парень взялся рукой за свой шлем.
- погоди, - остановила его Ксения, - не снимай. Ты прав: это не имеет значения. Так даже интереснее!
- Тогда садись... Сейчас машин здесь немного. Такую скорость разовьем - мало не покажется!
- Давай! - махнула рукой Ксения и села на мотоцикл позади парня.
- Держись крепче! - крикнул парень, и они полетели.

Мотоцикл ревел и урчал. Ветер так сильно бил в лицо, что Ксения захлебывалась и не могла дышать. Она пряталась за спину мотоциклиста, кашляла, смеялась и визжала от восторга. Мимо с бешеной скоростью проносились столбы, деревья, огни. Встречные машины действительно попадались редко. Большинство автолюбителей предпочитали новое, недавно проложенное почти рядом шоссе. У Ксении жутко замирало сердце, когда все-таки из-за спины или навстречу со скоростью, не меньшей, чем их собственная, неслись машины.

Развернувшись так круто, что Ксения чуть не вылетела из седла, мотоциклист остановил свою машину возле школы.

- Супер! - восхитилась она. - Здорово!

Мотоциклист посмотрел на нее сквозь шлем, потом опять поднял руки, чтобы его снять. И Ксения снова остановила его:

- Пожалуйста, не надо... Все так необычно! Знаешь, я буду звать тебя Ночным Мотоциклистом! Ты еще как-нибудь покатаешь меня, Ночной Мотоциклист - Ужас, Летящий На Крыльях Ночи?
- Может быть, - ответил парень, опустил руки на руль, газанул, и его мотоцикл скрылся за школой.

Поскольку Ксения, как всегда, училась ровно и хорошо, учителя во главе с директрисой очень скоро стали делать вид, будто не замечают несколько странный цвет ее волос и экстремальность одежды, в которой она ходила в школу. Но Ксения прекрасно понимала - стоит ей сделать хоть один промах, как все начнется сначала, поэтому дома занималась серьезно и много. В классе старалась держаться независимо и не обращала никакого внимания ни на прищуренные Германовича, ни на презрительные взгляды Овцы Долли с компанией.

Первые недели сентября стояли по-летнему теплыми, и Ксения очень огорчилась, когда

пришлось все-таки доставать куртку. Однажды после уроков она по привычке выскочила на улицу раздетой. Холодный ветер через ворот и широкие рукава блузки моментально пробрался к самому телу. Ксения ойкнула, шмыгнула назад, в вестибюль, и направилась к гардеробу.

- ...И эту фиолетовую чувырлу, - услышала она конец чьей-то фразы и остановилась в дверях. Хохот и сдавленное хихиканье раздалось из-за ряда вешалок, еще заполненных куртками и плащами. - Я тебе говорю, он на нее запал. Предлагаю предпринять следующее...

Ксения узнала голос Долли, и действительно тут же прямо на нее вышла Лена Брошенкова, или, по-местному, Брошка, с курткой в руках. Она вздрогнула от неожиданности, увидев Ксению, но тут же собралась и перешла в наступление:

- Подслушиваешь? Нехорошо.

- Больно надо! Я куртку забыла. - Ксения сдернула с вешалки свою джинсовку. - А фиолетовая чувырла - это, конечно, я?

- Ну что ты! Как можно? - из-за вешалок показалась Диана Резцова. - Фиолетовая чувырла - это солистка группы «Киви». А ты у нас - Фиолетовая Фея. Фиолет - суперкласс!

- А-а-а! - отозвалась Ксения. - Тогда совсем другое дело! - Она усмехнулась и пошла к выходу.

Что эти две курицы задумали? Конечно, они говорили о ней, нет никакого сомнения. Что же они собираются предпринять, зачем и, главное, когда? Что там Брошенкова говорила? Кто-то на кого-то запал... Может, все-таки не про нее? Она не замечала, чтобы на нее кто-то западал. Хотелось бы, конечно... Но Германович, похоже, не может простить ей «пирожное со взбитыми сливками». Дурак! Ах да, она совсем забыла, что есть еще Сережа Григорьев! Как же, как же! Сосед справа, который никак не может выдержать ее взгляда и все время отворачивает лицо. Но вряд ли Долли с Резцовой беспокоятся о Григорьеве. Какой-то он невыразительный. Ксения попыталась вспомнить, какие у Григорьева глаза, но так и не смогла. Слишком быстро он их отводит в сторону. Все-таки хорошо, что она забыла куртку. Надо быть начеку! На всякий случай...

Глава 4

«Тройка, семерка, туз...»

Хотя Ксения все время была настороже, в сети, расставленные Брошенковой и Дианой Резцовой, она все-таки попалась. Неожиданно попалась и глупо. Но она никак не ожидала подвоха именно с этой стороны. Слишком уж все начиналось естественно и непринужденно.

Однажды на перемене девочки пугали друг друга страшными историями, которые имели обыкновение приключаться с подругами родных сестер, двоюродных братьев или какими-нибудь другими тридцатыми родственниками. Ксения терпеливо выслушала и про черную комнату, и про красные туфельки, и про белую простыню, и про отрубленную руку, и даже про кровожадную вставную челюсть. После душераздирающего повествования о ненасытной двуспальной кровати-людоедке, рассказанной Ирой Сыромятниковой, слово взяла Овца Долли:

- А вот мы этим летом в лагере ночью вызывали дух Пиковой Дамы.

- Да ну? - вскинула тонкие ниточки бровей Резцова. - И как? Неужели появилась?

- Представь себе! - качнула кудряшками Долли. - Такая жуткая: вся в черном, древняя, носатая, а в руке - зажат туз пик!

Тут уж Ксения не выдержала и расхохоталась:

- А где же она «тройку» с «семеркой» потеряла?

- Чего-чего? - не поняла Долли.

- Ну как же! - еще больше развеселилась Ксения. - Старуха должна была вам, кроме туза, еще две карты предъявить: «тройку» и «семерку». Классику забыли? Пушкина А.С.? В восьмом классе проходили!

- Думаешь, ты самая умная, да? - презрительно смерила ее взглядом Долли. - Небось увидела бы это чудище, забыла бы и про Пушкина А.С., и про Лермонтова М.Ю., и даже про родную маму!

- Не обращай на нее внимания, Ленка, - посоветовала Брошенковой Ира, поразившаяся тому, что необыкновенные истории, оказывается, могут происходить и с ее самыми близкими знакомыми. - Лучше расскажи, что эта Дама вам сказала, что сделала?

- Если бы она что-нибудь сделала, вы меня, наверно, здесь уже не увидели бы, - объяснила присутствующим Долли. - Нас девчонки научили, что предварительно, перед вызовом духа, зеркало нужно намазать сухим мылом и как следует растереть тряпкой, чтобы не было видно его следов.

- Мылом? - удивились одноклассницы. - Зачем?

- А затем, что мыло - это защитный экран. Ну... чтобы Пиковая Дама из зеркала не вышла и не передушила бы нас всех.

- Лен! А туз-то зачем? - почему-то шепотом спросила Ира.

- Она его на месте преступления оставляет, если, конечно, его совершит. Чтобы все знали, чьих это рук дело.

- А зачем? - еще тише повторила вопрос Сыромятникова.

- Откуда я знаю? Может, чтобы боялись и дух ее не тревожили.

- Поскольку ты жива и невредима, я догадываюсь, что Дама из зеркала так и не вышла, - опять вступила в разговор Ксения.

- Естественно, - процедила Брошенкова.

- Так, может, это вовсе и не Дама была?

- А кто же?

- Ну... кто-нибудь из вас... отразился...

- А-а-а! Шутить изволишь? Или издеваешься? - Долли прищурилась, почти как Германович.

- Всего понемножку, потому что не пойму, в чем фишка была? Вызвали старуху, посмотрели на

нее - и все? - продолжала иронично улыбаться Ксения.

- Нет, конечно. Мы ей вопросы задавали, а она нам отвечала.

- И как вы с ней связь держали? По мобильнику или через пейджер? Или, может быть, Интернет уже и на тот свет провели?

- Представь себе - через обыкновенный лист бумаги! - У Долли от злости на Ксению даже сбились на один бок обычно очень симметрично распределенные кудряшки.

- Это как же? - не могла не встрять в разговор еле сдерживающая любопытство Сыромятникова.

- Ее ответы, Ирка, сами на листе проявились в виде самых обыкновенных предложений.

- Не может быть. - Ире стало так страшно, что она на всякий случай отодвинулась от Долли подальше, будто та могла невзначай обернуться страшной старухой. Потом придвинулась снова, чтобы свистящим шепотом уточнить: - И что она вам написала?

- Не стану же я тебе, Сыромятникова, чужие тайны выдавать! Да и свои тоже не хочется. Но ты уж поверь, о пустяках Даму не спрашивают, и ответы у нее - соответственные.

- А почерк? - не отставала Ирка. - Какой у нее почерк? Как у Пушкина? С завитками? С росчерками?

- С какими еще завитками? - отмахнулась от нее Долли. - Почерк как почерк... Честно говоря, я и не помню, какой у нее почерк... Я же говорю, что все это так жутко было, что не до почерка нам стало.

- Это все, Ирочка, - небрежно заметила Ксения, - мифы и легенды подросткового оздоровительного лагеря. Я тебе советую не принимать их так близко к сердцу.

- Мифы, считаешь? Легенды? - бок о бок с Леной встала Диана. - А не слабо тебе будет, Золотарева, повторить эксперимент?

- Какой именно? - на всякий случай спросила Ксения, хотя уже поняла, что попалась. Наверняка весь разговор был затеян только для того, чтобы свести дело к такому вот концу.

- Давай вместе с нами вызовем дух Пиковой Дамы! Глядишь, ты и развенчаешь мифы окончательно или навсегда в них поверишь.

- Где? - односложно спросила Ксения, поскольку отступать было некуда. Если сейчас она скажет, что не верит во всякую белиберду, они решат, что она струсила.

- Подумать надо, - ответила Резцова. - Вызывать ведь ночью придется.

- Вы с ума сошли, девчонки! - всплеснула руками Ира. - Это ж так страшно! Вдруг она из зеркала выйдет?

- Так мы мылом его натрем, верно, Брошка? - подмигнула Диана Лене.

Та собралась что-то сказать, но тут снова вклинилась неугомонная Сыромятникова:

- А вдруг мыло не сработает? Помрете ни за что!

- Не померем, - снисходительно потрепала ее по плечу Долли. - В лагере же не померли.
- Лен! - не отставала Ира. - А как ее обратно...
- Чего обратно?
- Ну... чтобы она ушла... в зеркало... обратно... Что надо сделать?
- Это очень просто: на зеркало надо темную тряпку накинуть, затушить свечи и свет включить.
- А... не может она где-нибудь спрятаться и остаться... в нашем мире? - не давала Долли покоя Ира.

Ксения опять не выдержала и рассмеялась:

- Может, конечно! Разве ты не чувствуешь, что она в нашу историчку вселилась?

Расхохотались все: и Диана, и Долли, и даже вконец перепуганная Ира Сыромятникова. Они вдруг осознали, что историчка действительно похожа на описанную Брошенковой Пиковую Даму: и постоянным черным платьем, и вызывающей жалость старостью, и вызывающей всеобщую ненависть свирепостью. Смех разрядил обстановку, и Ксения подумала, что напрасно заподозрила Долли с Резцовой в преступных намерениях. Они самые обыкновенные девчонки.

Глава 5

Цветет бегония на окне...

Он был потрясен ею. Фиолетовые волосы и пятнистые ногти - ерунда! Это не главное. Главное - то, что скрывается внутри, под всей этой необычной внешностью! Главное - сама Ксения: порывистая, независимая, бесстрашная, ироничная. Она совершенно не похожа на всех девчонок, которых он знал раньше. Она по-прежнему думает, что он учится в параллельном классе. Он видел, как она исподтишка разглядывает парней из других девяток. А он - совсем рядом, руку только протяни.

Ксения так ни разу больше и не попросила, чтобы он снял шлем. Он теперь и сам этого не хочет... вернее, не может... Она слишком многое ему рассказала из того, чего не должен знать одноклассник. Почему она ему так верит? Почему не боится, что он ее предаст? Он-то, конечно, не предаст... У него замирает сердце, когда она, крепко обнимая его за пояс, прижимается щекой к его спине, прячась от встречного ветра. Он никогда не слезал бы с мотоцикла, только бы она сидела рядом.

Они гоняли по окружной дороге, по темным улицам их района. Она за его спиной что-то весело выкрикивала, смеялась и даже пела. Он говорил мало. Во-первых, не хотел, чтобы Ксения вслушивалась в его голос, во-вторых, чувствовал, что ей надо выговориться. Ведь в классе она была одинока, девчонки ее не приняли и, наверное, думали, что это ее не волнует. Но он-то теперь знал, как Ксения тяжело переживает свое одиночество.

Она давала девчонкам убийственные характеристики. Он теперь всегда улыбался, когда смотрел на Брошку. Овца Долли! Смешно! Лена Брошенкова действительно похожа на чистенькую завитую овечку с носиком пуговкой и розовыми ушками, круглыми, как скрученные бараньи рожки. А Дианку она называет Охотницей. Резцова ему нравилась... до тех

пор, пока не появилась Ксения, но он не замечал, как точно Диана соответствует своим имени и фамилии. Она была стройной, высокой, грациозной, с гривой развевающихся белокурых волос, с настороженным взглядом и резкими, властными движениями. Настоящая богиня-охотница, ей бы лук со стрелами! Ира Сыромятникова прозывалась у Ксении Глазированным Сырком. И это было не просто производное от фамилии. Ирины юркие карие глазки действительно напоминали две изюминки на сдобном круглом лице, которое сверху венчала глазурью темно-каштановая челка.

Парней их 9-го «В» Ксения тоже наделила веселыми кличками. Он очень удивился, услышав свою, и решил, что на счет него она все-таки здорово ошибается: не раскусила. Однажды она спросила, хорошо ли он знает Германовича. Ему повезло, что за тонированным стеклом Ксения не видела его лица. Дрогнувшим голосом он ответил, что Германовича знает хорошо и что он кажется ему неплохим парнем. Потом он набрался сил и спросил:

- А что... Германович... тебе нравится? - и очень удивился, что она не ушла от ответа.

- Пожалуй, да... Только он, кажется, на меня здорово обиделся. Ты же знаешь, меня иногда подводит длинный язык: несу все подряд и не могу вовремя остановиться.

- Хочешь, он об этом узнает? - осторожно спросил он.

Она отрицательно покачала головой.

- Почему?

- Потому что все должно идти своим чередом, понимаешь? Надо, чтобы он сам... а не потому, что кто-то ему на что-то намекнул.

Он опять удивился тому, что Ксения ему так верит. Хотя она ведь не знает, что он... А может быть, все-таки догадывается? Может быть, специально все и говорит, чтобы... Нет! Похоже, ее здорово увлекла эта игра в «Ночного Мотоциклиста». Ей нравится таинственность и то, что, не видя его лица, она может запросто рассказывать ему обо всем, как чужому человеку. Говорят же, что с чужим легче делиться сокровенным...

Ему очень хотелось надеяться, что когда-нибудь, пусть даже не очень скоро, он перестанет быть для нее чужим: он снимет шлем, а она... Она, как змея из старой шкуры, как бабочка из кокона, как Царевна-лягушка из лягушачьей кожи, выберется из своих экстремальных шмоток кислотного колера и наденет простое платье. Да, пожалуй, даже не джинсы... Ему хотелось бы видеть ее в платье и с волосами, льющимися на плечи. Интересно, какого цвета ее волосы? Он называл ее Ксю - так ей хотелось, но мечтал как-нибудь выговорить вслух ласковое и трогательное имя - Ксюша.

Через несколько дней к Ксении подошли Охотница с Долли.

- Не передумала? - как всегда резко спросила Диана.

- Нет, - опять односложно ответила Ксения. - Где? Когда?

- У Брошки дома. В ночь с пятницы на субботу.

- Почему именно так? Эта пятница случайно не тринадцатое?

- Пятница обыкновенная: девятое октября. Просто у Ленки родители уйдут в ночную смену.

Никто не будет мешать.

- Во сколько приходите?

- А как сможешь. Уверена, что тебя отпустят?

- Мои проблемы. Буду без пятнадцати двенадцать, чтобы начать ровно в полночь, - бросила им Ксения и пошла в столовую.

Она взяла в буфете сок и булочку с маком, но есть не могла. Она испугалась. Не дурацкой Пиковой Дамы, конечно. Она опять испугалась девчонок. Они явно что-то задумали... да еще ночью... Как ей сейчас не хватает Ночного Мотоциклиста... А он, как назло, куда-то пропал...

Они с ним придумали условный знак, как в фильме про Штирлица. Она ставила на подоконник своей комнаты разросшуюся бегонию в белом пластиковом горшке. Обычное место бегонии было на секретере, и, когда она появлялась на окне, он понимал, что Ксения хочет его видеть. Тогда он приезжал на условленное место на окружной дороге, то самое, где они впервые встретились, у фонаря и обломков ограды, и она могла рассказать ему все. Ночной Мотоциклист был единственным человеком, который с интересом слушал Ксению. Все остальные всегда хотели говорить сами, причем как можно дольше. И вот этот ее единственный друг куда-то запропастился в самый неподходящий момент. Бегония уже несколько дней находилась на окне, Ксения по часу выстаивала на ветру у тусклого фонаря, но Мотоциклист не появлялся. Что ж! Придется ей обойтись без него. Жаль, она уже так привыкла обсуждать с ним свои дела.

Они встречались довольно часто. Наверно, можно было бы попросить его снять шлем или каким-нибудь другим способом узнать, кто он такой, но Ксении не хотелось. Так ей было удобнее. Над тем, что их встречи значили для Мотоциклиста, она старалась не задумываться.

Глава 6

Явление Пиковой Дамы

Маму Ксения уломала с трудом. Наплела ей душещипательную историю о своей новой подружке-однокласснице Лене Брошенковой, которая будто бы очень просила ее, Ксению, переночевать у нее. Что насочиняла Долли для своей мамы, Ксения не знала, поскольку из гордости не спрашивала. Но по всему было видно, что та постаралась на славу. В общем, родительницы перезвонили друг другу, и дело было улажено. Единственное, на что не согласилась мама Ксении, так это на то, чтобы она выходила из дома в двенадцатом часу ночи. Чтобы вообще не сорвать операцию, Ксении пришлось пойти к Долли в девять часов и до отбытия ее родителей на смену мучительно смотреть по видуку отвратительный фильм о собаке-оборотне. Рядом с ней на диване прямилась спину Диана-Охотница и, вжавшись в угол, сидела Ирина Сыромятникова - Глазированный Сырок, которая тоже каким-то образом навязалась на это мероприятие, хотя и жутко боялась.

Как только за родителями захлопнулась дверь, девочки моментально вырубил «собаку-оборотня», которая уже нагнала на всех, кроме Иры, страху. Сыромятникова на собаку не среагировала, так как уже давно и безраздельно боялась Пиковой Дамы.

- Зря я пришла, - без конца повторяла Ира, на что Охотница наконец грубо сказала ей:

- Ну и вали отсюда! Сама ведь напросилась!

- Свалишь тут, как же! - Ира с ужасом посмотрела в непроглядную тьму за окном. - Там сейчас небось не только на Пиковую Даму напорешься, а и на Бубновую, и на Крестовую... и на Валета какого-нибудь приклатненного...

- Тогда сядь и молчи! Включи видик и досмотри «собаку», пока мы все приготовим.

Долли толкнула Сыромятникову в кресло, бросила ей на колени пульт, а сама попросила Диану сходить с ней вместе в ванную комнату за зеркалом, поскольку ей после фильма страшно бродить по темной квартире одной.

Ксения чувствовала, что и у нее подрагивают руки. Она уже не очень хорошо понимала, чего боится: происков девчонок или, как и Ира, Пиковой Дамы. Насмотревшись на омерзительную собаку-оборотня, можно было поверить во что угодно.

Долли принесла в комнату круглое зеркало в розовой пластиковой раме, а у Охотницы в руках была сиреневая мыльница с куском хозяйственного мыла. Невинные цвета рамы и мыльницы настолько не вязались с ожидаемым черным видением, что Ксения вдруг неожиданно успокоилась. Все это - детские игры! И чего она так испугалась?

- А почему мыло не туалетное, не душистое, а эта коричневая гадость? - зачем-то спросила Ира.

- Со своим «душистым», - передразнила ее Диана, - надо было приходиться. На-ка вот лучше натирай зеркало! - И она поставила перед Ирой мыльницу.

Та прерывисто вздохнула и начала тереть «коричневой гадостью» блестящую поверхность. Когда дело было сделано, Сыромятникова оглядела свои липкие руки и жалобно пробормотала:

- Хорошо бы помыть...

- Ну так иди и помой, - ответила Долли. - Ванная по коридору направо.

- Кто-нибудь со мной сходит? - ни на что особенно не надеясь, спросила Ира.

Ксении стало жалко ее, и она согласилась быть сопровождающим лицом в темном коридоре. В ванной, открыв кран с горячей водой и сунув под струю руки, Сыромятникова спросила:

- Слышь, Золотарева, неужели ты совсем не боишься?

- Конечно, не боюсь. Чего бояться? Подумаешь, сказки для детей младшего возраста, - ответила Ксения непослушными губами. На самом деле у нее от страха опять сводило скулы, но Сырку совершенно необязательно знать об этом. Она сняла с крючка полотенце, чтобы дать Сыромятниковой, и взвизгнула: - Ирка! Ты же сварись! - И бросилась заворачивать кран, из которого, судя по пару, шел крутой кипяток. - Ну нельзя же так! Не приходила бы лучше, раз до такой степени боишься. Инвалидом сделаешься, а нам отвечай!

Ирка с изумлением посмотрела на свои покрасневшие от горячей воды руки и ответила, как отрубилась:

- Раз пришла - значит, надо было!

Когда они вернулись в комнату, Диана заканчивала растирать мыло по зеркалу тряпкой, а Долли установила на письменном столе у стены два подсвечника с тонкими витыми свечами,

оставшимися после Нового года. Между ними поставили приготовленное зеркало, а перед ним Долли положила девственно чистый лист бумаги.

- Это для ее ответов? - на всякий случай уточнила Ира, нервно потирая горевшие после кипятка руки.

- Естественно, - снисходительно буркнула Диана. - Вопросы-то хоть придумала или только посмотреть на Даму пришла?

- Придумала, - еле прошелестела дрожащая Сыромятникова. - А вы придумали?

- Давно, - отчеканила Долли и повернулась к Ксении. - А вот ты, например, Золотарева, что хочешь узнать у Пиковой Дамы?

- Я? - удивилась Ксения. Она была убеждена, что девчонки затеяли всю операцию только для того, чтобы как следует напугать ее, и ни о каких вопросах Пиковой Дамы совершенно не задумывалась. Она поставила себе цель доказать Овце с Охотницей, что ничего не боится, и теперь оказалась застигнутой врасплох. - Разве вопросы надо произносить вслух? - осторожно спросила она.

- Интересно, а как же она узнает, чего ты хочешь?

- Ну... она же... дух... Узнает как-нибудь...

- Не уверена... В лагере мы вслух спрашивали, а она нам отвечала.

- Девчонки, а руки не появятся? - выдохнула Ира.

- Какие еще руки? - Долли неприязненно посмотрела на Сыромятникову, постоянно задававшую дурацкие вопросы, на которые все время приходилось отвечать.

- Вы говорили, буквы будут появляться... Я вот все думаю - как? Рук каких-нибудь кровавых, как в той истории, что девчонки рассказывали, не будет? - продолжала терроризировать Долли дрожащая всем телом Сыромятникова.

- При чем тут руки?! - вышла из себя Брошенкова. - Неужели ты не понимаешь, бестолковая твоя голова, что это совершенно разные истории. У Пушкина никаких кровавых рук не было! Это я точно помню. Пистолет, кажется, был... Но Германн вроде бы так и не выстрелил, а, Золотарева? Ты же у нас знаток?

- Не выстрелил, - подтвердила Ксения. - Графиня от страха и старости умерла.

- Вот видишь! - подбодрила трясущуюся Ирку Долли. - А кроме того, что всякие там руки отсутствуют в литературном первоисточнике, ты еще собственноручно зеркало мылом намазала. Сама-то подумай, как она сквозь мыло свои руки высунет? И пистолет, я думаю, тоже не пролезет.

Ксения смотрела на Овцу и понимала, что она так долго уговаривает не бояться Ирку-Сырка потому, что, похоже, уже сама начинает сомневаться, не напрасно ли все это затеяла.

- Ну, что? - Долли посмотрела на часы. - Без десяти минут двенадцать. Готовьте свои вопросы. Кто самый храбрый, тот, пожалуй, и начнет. Может, ты, Золотарева?

- Хорошо, - тихо ответила Ксения. - Значит, надо вслух задать вопрос?

- Да.
- Когда?
- Известно когда - когда Пиковая Дама появится, вот когда.
- Хорошо, - еще тише повторила Ксения.

Долли кивнула, чиркнув спичкой, зажгла свечи и торжественно провозгласила:

- Ну, все! Гаси свет, Дианка.

Охотница щелкнула выключателем, и девочки будто оказались в другой комнате, наполненной живым дрожащим полумраком. По стенам от свечей бились отсветы и тени, в углах сгустилась непроглядная ночь, а впереди таинственно золотилась бездонная гладь зеркала. Одноклассницы замерли не шевелясь.

- Давайте... поближе к столу, - прошептала Долли и сделала шаг к зеркалу. За ней осторожно двинулась Ксения, а потом и Диана с Ирой.

Ксения со все возрастающим волнением заглянула в блестящий омут. От горячего воздуха и седого дымка свечей казалось, что по нему пробегают легкие волны, будто оно дышит. В зеркале отражалась только светлая дверь в комнату. Все остальное тонуло в бархатной полутьме.

- И что теперь? - спросила Ксения, чтобы только прервать напряженное молчание и не стоять столбом перед затягивающей дышащей бездной с обычной комнатной дверью в глубине.
- Теперь надо сказать заклинание, - опять шепотом ответила Долли.
- Так скажи... Сколько можно ждать...
- Сейчас...

Ксения видела, что Овца здорово волнуется. Она шевелила губами, видимо, вспоминая текст.

- Сейчас... - повторила она. - Вот... вроде бы так:

Изменись, глубина изначальная,
Ты проснись, пробудись, гладь зеркальная,
Отразись в ней, свеча бликовая,
Ты явись нам в ночи, Дама Пиковая...

Когда отзвучали последние слова заклинания, показалось, что даже воздух замер в комнате, где в ожидании явления черной носатой старухи четыре девочки с беспокойством всматривались в зеркало. В его глубине ничего не происходило. Ксения перевела дух и только хотела сказать, мол, чего-то подобного она и ожидала, как произошло то, на что она никак не рассчитывала.

Золотое марево зеркала будто дрогнуло, медленно открылась отражающаяся в нем дверь комнаты, и в ее проеме показалось страшное носатое лицо в обрамлении косматых волос. Ксения не успела заметить, держала ли старуха в руках какую-нибудь карту, потому что все они в унисон вскрикнули, и дверь тут же захлопнулась. Долли с Дианой замерли у стола, Ира продолжала истошно вопить на одной ноте, а Ксения, преодолевая дурноту, сделала шаг к

двери. Она немного задержалась у закрытой створки, потом с силой рванула ее на себя. В открывшемся проеме перед ней чернел только глубокий провал коридора.

- Свет! Где включается свет? - крикнула она.

Долли подскочила к Ксении и с ходу шлепнула ладонью по выключателю. Из комнаты в коридор протянулся световой прямоугольник. Никакой Пиковой Дамы там не было. Ксения вылетела в коридор и начала звонко щелкать попадающимися по пути выключателями. Вскоре вся квартира Брошенковых была залита светом.

- Видишь, никого! - без усталости повторяла ей Долли у каждой вновь открываемой двери.

- Но... я же видела! - не обращала на нее внимания Ксения. - Я своими глазами видела!

- Остановись ты наконец! - вцепилась в ее свитер выскочившая из комнаты Диана, когда заметила, что Золотарева собирается открыть встроенный шкаф. - Неужели ты не понимаешь, что она убралась восвояси?

- И куда же? - с иронией спросила Ксения.

- Куда-куда? В зеркало, конечно!

- Та старуха - и в зеркало?

- Не просто старуха, а Пиковая Дама. И именно в зеркало. Представь себе: духи имеют обыкновение уходить через то, откуда появились.

- Я вам не верю! - выкрикнула Ксения. - Ни в какое зеркало она не убиралась. Она скрылась за дверью комнаты. Все видели!

- Но дверь-то в зеркале отражалась. Поэтому она не настоящая дверь, а... виртуальная, - пыталась убедить ее Диана.

- Чуть! Вы все подстроили! - продолжала злиться Ксения.

- И как ты себе это представляешь? - спросила Диана, потом привалилась спиной к стене и, не обращая больше внимания на Золотареву, выдохнула: - Фу-у-у... До чего же я испугалась...

- У меня самой все внутри дрожит, - подхватила Долли.

Ксения, у которой тоже до сих пор сильно колотилось сердце, недоверчиво окинула их взглядом. Может, они ни в чем не виноваты? Овца - белая, как простыня, а у Охотницы, наоборот, даже лоб красный от напряжения. Невооруженным глазом видно, что девчонки сильно напуганы. Ксения направилась обратно в комнату. Когда она переступила порог, Ира, до сих пор так и сидевшая истуканом, опять дико вскрикнула, увидев ее в дверях. Ксения вздрогнула и выпалила:

- Ирка! Хватит орать! С тобой совсем свихнешься!

- Да-а-а? - плаксиво протянула Сыромятникова. - А если мне страшно?

- Всем страшно, но мы же не вопим.

- Значит, мне страшней, чем вам.

Ксения хотела сказать в ответ ей что-нибудь уничтожающее, но замерла на полувздохе. За спиной Иры, у зеркала, она увидела игральную карту. Она лежала на чистом листе, приготовленном Брошенковой для Пиковой Дамы. Ксения бросилась к столу. На листе поверх какой-то надписи лежал туз пик. Она рывком вытащила из-под туза лист бумаги и прочитала:

«Он не для фиолетовых! Оставь его! Берегись! Прокляну!»

- Это ты?! - набросилась она на Иру.

- Что я? - взвизгнула Сыромятникова, которая, казалось, была уже на пределе своих душевных возможностей.

Ксения, размахивая перед ее носом листом с надписью, угрожающе спросила:

- Это ты подложила? Ты с ними заодно?

- С ума сошла, что ли! - отшатнулась от нее Ира, даже не посмотрев на зажатый в ее руке лист бумаги.

Со спины к Ксении подошла Диана,хватила у нее послание и прочитала вслух.

- Последний раз спрашиваю - твоих рук дело? - Ксения надвигалась на Сыромятникову, которая безуспешно пыталась вжаться в простенок между двумя окнами.

На этом простенке висела пышно разросшаяся традесканция. Ира зацепила плечом ее длинные плети, потянула цветок, и он зеленым париком, увенчанным глиняным горшком, как шляпой, наделся на ее голову. Это стало последней каплей, переполнившей Ирино измученное страхом существо. Она закричала так, как обычно кричат девчонки в американских фильмах, когда видят человекообразных муравьев, восставшие из гробниц мумии или осклизлых гуманоидов с других планет. Подскочившая к ней Диана сорвала с головы Иры зеленый «парик», стряхнула с волос и плеч подружки комочки земли, усадила ее в кресло и крикнула Овце:

- Ленка! Тащи валерьянку или хотя бы стакан воды! Видишь, у нее истерика...

Бедная Ира долго стучала зубами о стакан, пока наконец смогла выпить успокоительное лекарство.

- Чего ты на нее набросилась? - Долли укоризненно посмотрела на Ксению.

- Того! Она одна находилась в комнате, пока мы по коридору бегали.

- И что?

- Вполне могла эту дрянь... - Ксения кивнула на валяющиеся на полу лист с надписью и пиковый туз, - подложить...

- Ты что, не видишь, в каком она состоянии? - возмутилась Диана.

- Теперь вижу. Зато у тебя состояние - подходящее! Ты не сразу за нами в коридор выбежала... Могла успеть подложить!

- Делать мне больше нечего! - бросила ей Охотница и опять занялась Ирой, которая все еще продолжала всхлипывать.

Долли подняла с пола туз, повертела его в руках и заключила:

- Совершенно новый.

- А ты думала, она нам старый пришлет? – усмехнулась Диана.

- Кто? – опять напряглась Ира, мгновенно перестав плакать.

- Успокойся ты наконец! – довольно сердито воскликнула Долли. – Вот навязалась на нашу голову! Знала бы, что ты такая впечатлительная, ни за что бы тебя не пригласила в этом эксперименте участвовать. Чего ты так боишься? Тебя же это не касается!

- А кого... касается? – еле выговорила Ира.

Диана с Долли молча посмотрели на Ксению.

- Конечно же, меня, – нервно улыбнулась Золотарева, схватила с пола лист и еще раз прочла: – «Он не для фиолетовых...» Для кого же еще это написано, как не для меня?

- Почему именно для тебя? – с возмущением произнесла Сыромятникова, будто и не ее только что отпаивали валерьянкой. – У меня тоже... вот... фиолетовый... – Она приложила обе руки к груди, и девочки сейчас только обратили внимание, что на ней надет ярко-фиолетовый с блестящей ниткой джемпер.

Ксения ошарашенно переводила взгляд с одной одноклассницы на другую. Долли с Охотницей тоже были в явном замешательстве, зато Сыромятникову будто подменили. Теперь она ловко выхватила у Ксении лист со странной надписью и еще раз вслух выразительно прочитала ее.

- Девчонки! А как она узнала, что я хочу спросить? Я ведь не успела свой вопрос задать!

- Прости, мы не в курсе, – снисходительно улыбаясь, ответила Диана. – Это надо у самой Пиковой Дамы спрашивать. Оказывается, Золотарева была права: духи сами знают, что им делать.

Метаморфоза, приключившаяся с Сыромятниковой, развеселила всех, и девочки временно забыли о только что перенесенном страхе. Охотница даже начала иронизировать:

- Ирка, может, еще раз старуху вызвать, чтобы прояснила обстановку?

- Вот этого не надо! Я такого страху натерпелась, век не забуду! – Ира так и эдак вертела перед носом записку, а потом вдруг спросила: – Девчонки! А что, на том свете тоже компьютеры есть?

Одноклассницы ответили дружным недоуменным молчанием.

- Поглядите! – Сыромятникова ткнула толстеньким пальчиком в записку. – Это ж на компьютере набрано. Я и шрифт знаю: «Arial Black», курсив полужирный... А напечатано на принтере.

- Ну, Ирка! Ты просто Анастасия Пална Каменская! А я и не догадалась! – расхохоталась Ксения. – Колись, Брошенкова, где у тебя компьютер с полужирным курсивом?

- Нет у меня никакого компьютера! – довольно неестественно улыбнулась Долли. – Можешь хоть все комнаты и даже шкафы обыскать. Все равно не найдешь! А потом... вполне возможно,

что и до того света прогресс дошел... Что же им все по старинке кровью мазюкать или красками, как какому-нибудь Кентервильскому привидению?

- А у нас дома есть компьютер, - предупредила вопрос Ксении Диана. - И что из того? Кажется, ты только что сама дурным голосом кричала, что видела старуху своими глазами. Это же не компьютерное изображение и не голография. А страхолюдину все видели! Верно, Ирка?

При воспоминании о видении кошмарной старухи у Сыромятниковой клацнули челюсти, которые она было приоткрыла для улыбки. По спине Ксении снова пробежал неприятный липкий холодок. Она действительно видела чью-то фигуру в дверях и, как и Ирка, вряд ли когда-нибудь забудет то, что видела.

В комнате резко запахло свечами, потому что одна из них догорела и пускала в потолок свивающиеся нити дыма, а вторая чадила, искрила и тоже собиралась погаснуть.

- Ленка, убери ты свечи и зеркало наконец, а то прямо страшно в него взглянуть, честное слово. - Сыромятникова поежилась и села в кресло, демонстративно отвернувшись к окну.

- Пожалуй, - согласилась Долли.

Она взялась за раму, и вдруг в ее руках зеркало треснуло и осыпалось на стол мелкими блестящими крошками. Девочки дружно ахнули. Долли отскочила от стола, резко спрятав руки за спину. Нежно-розовая пустая рама качнулась и упала сверху на зеркальное крошево. Из-под нее на пол полетели стеклянные брызги.

- Не к добру... - внезапно охрипшим голосом произнесла Ира. - Уж точно не к добру... Вот вам и полужирный курсив... Вот вам и туз пиковый... А то я думаю, к чему бы это он....

На следующий день невыспавшаяся Ксения с трудом сидела на уроках, временами уплывая сознанием в события прошедшей ночи. Она иногда бросала взгляды на Охотницу с Долли и видела, что те тоже чувствуют себя не в своей тарелке. Одна лишь молодчина Сыромятникова, ловко разоблачившая компьютерно-принтерное происхождение «послания» Пиковой Дамы, позволила себе расслабиться и на второй половине биологии уютно задремала за последней партой у окна, уткнувшись в пыльную занавеску. Ксении было тревожно и тоскливо. С запиской, конечно, девчонки прокололись - это ясно, но чего стоило только одно рассыпавшееся в прах зеркало, не говоря уже о странном видении косматой старухи...

- К доске пойдет... Германович, - как сквозь вату услышала она голос биологички.

Кто-то лениво ответил учительнице:

- Нет его... Болеет... ОРЗ...

- Тогда попрошу к доске...

Ксения уже не слушала, кого вызывают к доске, потому что, зацепившись мыслью за фамилию Стаса, вдруг выстроила в уме логическую цепочку. Вот оно в чем дело! Как же она раньше не подумала об этом... Ксения почувствовала, как у нее разгорелись щеки. Все ведь так очевидно! Германович болеет - Мотоциклист не приезжает... Неужели Ночной Мотоциклист - Германович? А, собственно, почему бы и нет? Он ведь сразу заинтересовался ею! В первый же день подошел поговорить, а она, дура, его спугнула... Но, видимо, все же она продолжала ему нравиться... И потом - эта его еле заметная, эдакая французская картавинка... Изысканная тонкая грассировка... Шлем ее заглушить не в состоянии! Именно так говорит Стас

Германович!

Ксения даже заерзала на стуле от удовольствия. Конечно же, общественное мнение не позволило ему еще раз подойти к ней, поэтому он и притворяется учеником параллельного девятого класса. А если бы она разрешила ему тогда снять шлем? Вот бы было здорово! Ну, теперь-то она обязательно, как только они снова встретятся, попросит снять шлем. Или нет! Не стоит... Он должен сам... Как она тогда сказала Мотоциклисту? А-а-а, вот: все должно идти своим чередом! О-ох! Она же тогда ему почти прямо сказала, что он ей нравится... И ведь даже не подумала, что это может быть он...

Ксения вспомнила, как дрогнул голос Мотоциклиста, когда они говорили о Германовиче. Конечно, трудно сдержаться, когда говоришь о себе в третьем лице. Да! Все совпадает! И тот разговор Овцы с Резцовой в гардеробе... Ксения хорошо расслышала фразу Брошенковой о том, что кто-то «запал на фиолетовую чувырлу». Она ему нравится! Ой, так здорово! А он нравится Долли или Резцовой, а может, и обоим сразу. Именно поэтому они и устроили свой дикий розыгрыш с Пиковой Дамой, а слова «он не для фиолетовых» надо было читать так: «Германович не для тебя, фиолетовая чувырла!»

Глава 7

Магия золотой осени и двойка по поведению

Все действительно совпало. Как только в школу после болезни пришел Германович, в тот же вечер Ксения встретилась в условленном месте с Мотоциклистом, поскольку бегония давно и прочно стояла на ее подоконнике. Прошла эта встреча так напряженно, что к ее концу у Ксении даже разболелась голова. Она уже не могла, как прежде, рассказывать Мотоциклисту все, что было на душе. Она фильтровала мысли, слова, но все-таки путалась и смущалась.

Было бы странно, если бы Ксения не спросила, где ее таинственный друг пропадал так долго. Но Мотоциклист не признался, что болел, а говорил о поломке мотоцикла и вообще нес всякую малоубедительную ерунду. Они, как и прежде, носились по окружной дороге, но Ксения уже не испытывала такого удовольствия от бешеной езды. Она держалась за пояс мотоциклиста, не смея прижаться щекой к его спине, и дрожала всем телом. Она обнимала Германовича и знала это. А он не знал, что она знала...

Следующая неделя началась для Ксении такими неприятностями, что она уже готова была поверить в то, что сбылось проклятие Пиковой Дамы и что не зря в мелкие брызги рассыпалось зеркало. Дурная примета - на то и дурная, чтобы после нее человеку жизнь медом не казалась!

Все началось с того, что класс решил сбежать с истории. Последним аргументом, который склонил к побегу самых сомневающихся в полезности данного мероприятия, стал необыкновенно яркий, теплый и солнечный день. Все понимали, что такая чудная погода может уже не повториться перед длинной чередой осенних слякотных дней, и поэтому даже Витя Тимофеев, известный всей школе отличник-рецидивист, после продолжительных переговоров-уговоров согласился с мыслью, что можно сдать только вчера им законченный пухлый реферат по истории в следующий раз.

Одна лишь Ксения не участвовала во всеобщем ажиотаже - она наотрез отказалась уходить с истории.

- К чему такой выпендрей? - спросил ее Германович.

Ксения внимательно посмотрела ему в глаза и с молчаливой печалью улыбнулась лишь уголками губ. Ей казалось, что именно таким образом она весьма прозрачно намекнет, что у нее есть кое-какие догадки на его счет. Стас намека не понял и продолжал вести себя по отношению к ней весьма независимо. Надо же, какой артист! Что-то во время их вечерних свиданий из него не лезет такая крутизна!

- Это она специально, чтобы нас подвести! - выскочила вперед Долли. - Лишь бы навредить и сделать все наперекосья!

- Вредить вам я не собираюсь. Просто я ненавижу стадное чувство. У всех одинаковое мнение, и все решили сбежать... А если я не хочу? Мне нравится история! И Лидия Сергеевна тоже нравится, я вот и не хочу ее огорчать. А ты, Тимофеев, неужели хочешь? Лидия же на тебя только что не молится: Витюша то, Витюша се, а Витюша - раз - и хвостом махнул, как только его хорошенько поманили!

Витюша растерянно топтался на месте, хлопая глазами и глядя попеременно то на Ксению, то на Овцу Долли со Стасом.

- Ладно, ребята, - подвел черту под переговорами Германович. - Она нам сейчас весь контингент разложит. Айда, Витюша, с нами! Ты ничего не теряешь, а, наоборот, только приобретаешь - клевою прогулку по осеннему парку. Глядишь, сочинение зададут «Как я провел осень», а ты уже будешь знать, что написать. И, главное, по личным впечатлениям! А Лидия тебе все равно все простит, как только ты ей выложишь на стол свой реферат в сто страниц.

И Стас, забросив за спину рюкзак «Камелот», начал спускаться с лестницы. За ним двинулись одноклассники, обжигая Ксению презрительными взглядами.

Прозвенел звонок, и в класс, где сидела Ксения, одна-одинешенька, вошла Лидия Сергеевна. Учительница сразу поняла, что произошло, и спросила Ксению:

- А почему ты осталась?

- В знак протеста, - ответила та.

- Я давно хотела тебя спросить, а теперь, кажется, поняла: твоя рваная фиолетовая стрижка и зеленые ногти - тоже в знак протеста?

- Да.

- И против чего ты протестуешь?

- Не против чего, а против кого.

- И против кого?

- Против всех! Не хочу быть как все.

- Чем же тебе все не угодили?

- Они - как клоны. Одинаково одеваются, слушают одну и ту же музыку, одинаково думают, одинаково поступают, влюбляются в одного и того же человека, а если ненавидят, так тоже - все... и одну...

Ребятам 9-го «В» казалось, что они объявили Золотаревой бойкот, поскольку с ней не разговаривали. Но Ксения не ощущала особой разницы между вчерашним днем и сегодняшним. Она всегда держалась в классе особняком, мало с кем говорила, поэтому для нее почти ничего не изменилось. Но когда Инесса Аркадьевна объявила о родительском собрании, совместном со школьниками, где предстояло осудить побег класса с истории, Долли прорвало:

- Признайся, Золотарева, ты осталась в классе, потому что струсила!
- Нет, – спокойно ответила Ксения.
- Именно поэтому! Как же: нас будут полоскать на собрании при родителях, а ты – чистая, белая и пушистая!
- Кто тебе мешал остаться пушистой?
- Солидарность со всеми!
- Ну а я, к счастью, этой болезнью не страдаю.
- У нее другая болезнь, – усмехнулась Диана.
- И какая же? – насторожилась Ксения.
- Мания величия. Ты всех считаешь хуже себя и недостойными твоего расположения. Так ведь?
- По-моему, все как раз наоборот: это вы считаете меня недостойной, поскольку я не похожа на вас, – не согласилась Ксения.
- Честно говоря, мне все равно, в какой цвет ты красишься и в какой клоунский наряд рядишься. Твое дело. Но то, что на собрании нам в нос будут тыкать тобой, такой положительной, – это мне не нравится. Я прямо слышу уже, как Инесса говорит, что «у Золотаревой есть совесть, а у вас нет», что «Золотарева не смогла, а вы смогли» и тэ дэ и тэ пэ... – Диана так похоже изобразила классную руководительницу, что многие рассмеялись, несмотря на всю серьезность создавшейся ситуации.

Но больше всех Ксенией оказался недоволен Витюша Тимофеев. Он смотрел на нее из-за высокого ворота своего коричневого свитера так, как наверняка смотрел бы на провокатора храбрый юный партизан, только что взорвавший немецкую комендатуру. Витюша впервые в жизни совершил невероятно смелый поступок – прогулял урок, и теперь его хотят судить нечеловеческим судом родительского собрания, в то время как странная хитрая Золотарева проявила самую вульгарную трусость и оказалась в выигрыше. Сурово насупленные брови Витюши доконали Ксению.

- И чего вы от меня хотите? – Она вскочила со своего стула и стояла одна против всех.

Она посмотрела на Германовича, ожидая от него хоть какой-нибудь поддержки, но тот смотрел в окно. За стеклом на ветке тополя переминалась с ноги на ногу огромная ворона, с любопытством заглядывая в класс, а может быть, прямо в глаза Стаса. Обиженная Ксения решила, что больше никогда не сядет на его мотоцикл, пусть катает свою ворону, но он вдруг повернул голову к классу и сказал:

- А в самом деле, чего вы от нее хотите? Дело уже сделано. Назад не повернешь. И к тому же каждый действительно имеет право поступать так, как ему хочется. Не хотелось Золотаревой

на прогулку в солнечный денек – имела право и не ходить. Отстаньте от нее. У нас и без нее дел по горло. Надо выработать единую линию поведения, чтобы все говорили одно и то же и не сбивались на всякую ненужную ерунду. Главное, не навредить себе еще больше.

Девятиклассники начали обсуждать свои дела, а Ксения села за парту, обхватив голову руками. Она понимала, что совсем выпала из коллектива, и это ей совсем почему-то не нравилось.

На собрание Ксении идти очень не хотелось, но она обещала Долли, что придет вместе с мамой.

– Мы решили, что ты должна присутствовать на собрании, чтобы видеть и слышать своими ушами, как нас будут с тобой сравнивать и с землей ровнять. Это мы тебе такое наказание придумали. И не вздумай уклониться! – заявила ей Брошенкова в конце вчерашнего учебного дня.

Дома, вечером, когда Ксения рассказала маме, по какому поводу назначено собрание, она вдруг поняла, что та ее тоже осуждает.

– А тебе-то что не нравится? – удивилась Ксения. – По-моему, ты должна мной гордиться – я единственная не совершила поступок, недостойный ученика средней школы. У меня нет прогула истории!

Мама только вздохнула и покачала головой. А потом сказала:

– Странно, но ты поступаешь совсем не так, как я, хотя события, которые с нами происходят, до боли похожи. Однажды наш класс тоже решил сбежать с урока – и, как ни странно, именно с истории. Мне тоже не хотелось уходить, но я не смогла пойти против всех. Нам тогда пришлось бежать через окно девчачьей раздевалки в физкультурном зале, так как в дверях школы все перемены стояли дежурные. Прыгать было невысоко – подоконник находился почти у самой земли. И тем не менее я очень пострадала. Сначала зацепилась за какой-то гвоздь оконной рамы и разорвала школьный передник почти на две части. Потом прыгнула до такой степени неудачно, что проехала по асфальту обеими коленками. Было очень больно, но, главное, я еще разорвала новые и очень модные тогда колготки, которые мне тетя привезла из Чехословакии. Ни у кого таких не было... Я их надела в тот день в первый раз и, как оказалось, в последний. Вместо прогулки в парке, куда так стремились мои одноклассники, мне пришлось идти домой, мазать зеленкой ссадины на коленях, что-то врать маме и слушать, как она меня ругает. А потом тоже было собрание... Но я была не виноватее других. Я была – как все! А ты? Чего тебе надо, Ксения? Я тебя не понимаю!

– А я не понимаю тебя! Я думаю, что ты была наказана за то, что поступила против совести. Ты же не хотела уходить с истории?

– Не хотела...

– Не хотела, а ушла! Вот и получила!

– Не знаю, Ксюха, может, ты и права... Только что мы с тобой будем делать на собрании?

Ксения пожала плечами.

Все собрание мама просидела с опущенной головой, будто только одна Ксения сбежала с истории, а весь класс остался. Инесса Аркадьевна, как и предсказывала Долли, размахивала

незапятнанным именем Золотаревой, как знаменем, но родители ее одноклассников все равно смотрели на нее презрительно и осуждающе, как на больную нехорошей болезнью.

Витюша Тимофеев сидел рядом со своим отцом и никак не мог сообразить, почему с лица родителя не сползает радостная улыбка, абсолютно не соответствующая напряженности ситуации. Где ему было понять закосневшим умом отличника, что Тимофеев-старший наконец дождался от своего не по-детски серьезного сына обыкновенного мальчишеского поступка. Он посматривал на своего вновь обретенного ребенка с видом, как бы говорящим: «Слава богу, не все потеряно!» – и был в тот момент самым счастливым отцом из всего 9-го «В».

В конце собрания было принято решение, что все прогульщики напишут рефераты по пропущенной теме, а также будут лишены традиционной дискотеки по поводу близкого окончания первой четверти.

Глава 8

Я не трус, но я боюсь...

На следующий день Брошенкова смотрела на Ксению с плохо скрываемой ненавистью.

- Ну что, довольна? – спросила она.

- Неужели ты ждала, что на собрании вас похвалят? – Золотарева пыталась сохранить самообладание.

- Вы посмотрите на нее! – призвала одноклассников Овца Долли. – Она еще иронизировать пытается!

- Если бы она с нами сбежала, собрание все равно состоялось бы, – неожиданно подал голос Сережа Григорьев, тот самый парень, который очень пугался разреза на длинной юбке Ксении.

- А ты вообще молчи! – посоветовала ему Долли. – Не вовремя у тебя голос прорезался, Григорьев. Если бы эта... эта фиолетовая... не струсила, нас бы не так ругали. На ее благородном фоне мы очень бледно выглядели.

- Я не струсила! – выкрикнула Ксения. – И ты лучше, чем кто-нибудь другой, знаешь, что я ничего не боюсь. Хотите, я вам всем докажу? Я могу одна уйти с какого хотите урока!

- И кто это заметит? – усмехнулась Диана. – Одно дело, когда в классе – никого, и совсем другое, когда на одном уроке нет какой-то там Золотаревой!

- Детские игры! – согласилась с ней Долли.

- Так чего вы все-таки хотите от меня? – не понимала Ксения и нервничала все больше и больше.

- А ты сделай что-нибудь такое... необыкновенное. – Не такое, что могут все. Ты ведь, кажется, у нас именно этим отличаешься, – язвительно и наставительно одновременно заявила ей Овца Долли.

- Точно! – подкатилась к ним кругленькая – настоящий глазированный сырок – Сыромятникова. – Я предлагаю тебе совершить нечто совершенно необыкновенное!

- Например? - с опаской спросила Ксения, чувствуя, что от сладенькой Ирки ничего хорошего ждать не стоит.

- Например, подставь в журнале против своей фамилии парочку «лебедей» по нескольким предметам, а то там противное однообразие: «пять» да «пять», «четыре» да «четыре»...

- Но ведь учителя знают, что я их не получала! - попыталась сопротивляться Ксения.

- Ничего страшного! Инесса сначала в дневничок выставит, а потом разбираться начнет. Дома тебе головомойку устроят, а Инесса за порчу документа успеваемости поговорит с тобой с пристрастием. Вот мы и поквитаемся! Идет?

- Ну... если вы хотите...

- Хотим, хотим! - наступала на нее Сыромятникова. - И, главное, ты не будешь в стаде! Сделаешь это одна и тем будешь оригинальна!

Ксения перевела глаза на Германовича. Он смотрел на нее, закусив губу, будто проверял, оправдает ли она его ожидания. Она решила оправдать.

- Хорошо, - согласилась Ксения. - Если это вас успокоит...

На подоконнике Ксю давно не стоял цветок в приметном белом пластиковом горшке. На окружную дорогу она тоже больше не приходила. Мотоциклист который вечер подряд простаивал со своим верным железным конем возле «их» фонаря и нервничал. Что-то произошло, думал он. Уже в прошлый раз он понял, что она о чем-то догадалась. Ксю была не такой, как всегда, - скованной, настороженной, молчаливой. Она будто боялась сказать что-нибудь не то, опасалась невзначай проговориться. Она не прижималась с прежней доверчивостью к его спине, когда они неслись по дороге, а лишь цепко держалась за пояс. И не смеялась, не радовалась, как обычно, встречному ветру и бешеной скорости.

Пожалуй, пора снимать шлем. Хватит. Он побаловал ее романтической игрой в Ночного Мотоциклиста - и довольно. В конце концов, никакой он не «Ужас, летящий на крыльях ночи», а обыкновенный парень, которому очень нравится она, Ксю - Ксения Золотарева. Теперь вот еще эта идиотская история с прогулом, в котором она не участвовала и теперь должна за это поплатиться. Как ему не хотелось тогда уходить со всем классом! Но остаться с ней он не мог... Он бы разрушил то, о чем она мечтает. Он жалел ее и не был ни в чем уверен.

Мотоциклист очень надеялся, что сегодня она все-таки придет к нему на свидание, поскольку оказалась в тяжелом положении и совсем одна - против всего класса. Он собирался отговорить ее от того, на что ее толкала дура Сыромятникова - этот скисший Глазированный Сырок! Но Ксю не приходила.

Мотоциклист бросил взгляд на часы. Половина двенадцатого. Нет, теперь уж она точно не придет. Он ненавидел себя за то, что сегодня в классе не высказал Сырку все, что думает о ней и ее провокационной затее. Он ведь видел серое лицо отчаявшейся Ксю, но не вступился. И нечего сейчас оправдываться тем, что собирался поговорить с ней вечером. Догадывался ведь, что она не придет. Ладно, завтра утром он будет ждать ее у дома. Без шлема. Ей решать, как поступать дальше.

К сожалению, он не знал, что перед уроками ему встретить Ксю не удастся.

Ксении не спалось.

Она не знала, как ей лучше поступить: опять встать в независимую позу и отказаться от предложения Глазированного Сырка или все-таки совершить то, чего все от нее ждут. Если отказаться, то, пожалуй, придется уходить из школы. Здесь ей больше не вынести. А что? Это выход! Выказать им свое презрение и вернуться в старую школу! Но тогда придется вставать раньше почти на час и ездить через весь город на автобусе... Ну и что? Это лучше, чем целыми днями бороться с овцами и сырками! А как же Германович?..

У Ксении сладко заняло сердце. Как он смотрел на нее в классе!.. Как закусил губу!.. Похоже, он сочувствовал ей и, может быть, даже хотел вмешаться... но... Но она ведь сама запретила ему «снимать шлем». А может быть, он молчал, поскольку ему хотелось, чтобы она пошла до конца, утерла всем им нос? В самом деле, что случится, если она сама себе поставит в журнале «пары»? Себе ведь, а не кому-нибудь! Конечно, потом придется объяснять маме с отцом, как она докатилась до такого идиотизма, но, видимо, придется пожертвовать своим имиджем ради... Ради чего?

Ксения села на постели и прижала ладони к пылающим щекам. Она сделает это ради Германовича. Если ему этого хочется, то она – пожалуйста! А потом, вечером, она снимет с него шлем и назовет так, как ему нравится: Стасом, Стасиком, Станиславом Сергеевичем...

Ксения проспала и пришла в школу только к третьему уроку.

– Глядите, явилась! – сладко улыбнулась Сыромятникова. – А я уж было думала, что у тебя кишка тонка. Одна только фиолетовая форма... без содержания.

Класс дружно заржал, но для Ксении это уже было не страшно, поскольку ночью она приняла решение и даже поняла, ради чего пойдет на все. Они, хохочущие, думают, что для них, а она – только для него одного. Он оценит, и тогда... Тогда вообще все будет по-другому!

В перемену между двумя «трусами», когда журнал свободно лежал на учительском столе, Ксения демонстративно подошла к нему с набором фиолетовых и синих ручек разного оттенка. На глазах у одноклассниц она, подбирая подходящий к остальным отметкам тон пасты, поставила себе пять двоек: по русскому, по английскому, по физике и две – по алгебре. Девчонки смотрели на нее в полном молчании, в котором Ксения не почувствовала ни одобрения, ни осуждения. Похоже, им было всего лишь любопытно, чем ее выходка закончится. Одна Сыромятникова подняла вверх большой палец, что, вероятно, выражало похвалу действиям Ксении.

Целую неделю, которая стала для Золотаревой пыткой, ничего не происходило. И только в субботу Инесса ворвалась в класс, потрясая ее дневником в яркой обложке.

– Ксения! Что еще за новости?! Целых пять двоек за неделю! Я так и знала! Эти зеленые ногти... эти цепи... эти нелепые кофточки должны были привести к такому вот финалу! – И пошло, и поехало уже привычными Ксении восклицательными предложениями с глаголами в повелительном наклонении: – Остричь... перекрасить... снять!.. Одеться, как нормальная школьница!.. Привести родителей в школу!

– Приведу в среду. У мамы выходной, – спокойно сказала Ксения, но Инесса еще долго пыхтела, возмущалась, трясла дневником и никак не могла начать свою географию.

Дома Ксения получила головомойку по полной программе, как и предсказывала ей Сыромятникова. Она решила не говорить, что сама наставила себе двоек, так как понимала, что не сможет внятно объяснить родителям причину столь странного поступка. Мама тоже надолго завела тягомотину про фиолетовые волосы и зеленые ногти, а потом собрала яркую

одежду дочери в охапку и куда-то унесла, а на диван бросила ей старые синие джинсы, серый джемпер и кроссовки, в которых Ксения ходила летом, когда жила у бабушки на даче. Ксения безучастно смотрела в окно и еще не знала, что самое худшее ожидает ее в школе в понедельник.

В понедельник утром Ксения вспомнила, что мама забрала ее одежду и кинула взамен бледные джинсы с джемпером. Одеться, как все, было выше ее сил, поэтому Ксения достала из летней корзинки цыплячье-желтую футболку с красными надписями «STOP!» во всю грудь и спину. Она в конце августа купила ее за десятку в магазине секонд-хенд и ни разу еще не надевала. Конечно, к такой футболке надо бы и низ какой-нибудь специфический, но шкаф, в который сунулась было Ксения, оказался почти пуст. Мама поработала с одеждой дочери на славу.

Но не таким человеком была Ксения, чтобы этим сильно огорчиться. Она достала отцовский ремень-патронташ, проделала в нем дополнительные дырки, чтобы можно было застегнуть его на бедрах, и надела поверх оставленных ей старых синих джинсов. К кольцам, на которые охотники вешают ножи, фляжки, компасы, убитых уток и прочие не менее важные вещи, она прицепила разнообразные цепочки, фенечки и брелоки. Получилось нечто совершенно невообразимое, поэтому Ксения осталась очень довольна своим супероригинальным прикидом.

Патронташ произвел именно то впечатление, на которое и был рассчитан. Инессу Аркадьевну до такой степени испугал только что изобретенный Золотаревой стиль «military-comics», что она попыталась собственноручно снять с сумасшедшей ученицы ее новое украшение.

- Не имеете права! - отбросила ее руки Ксения. - Я же не снимаю с вас вашу дикую бижутерию, хотя она меня так же шокирует, как вас мой патронташ!

Инесса нервно поправила сбившиеся на сторону бусики из полудрагоценных камней и громогласно заявила:

- После шестого урока всем остаться на классный час!

- С какой стати мы должны за Золотареву отдуваться? - недовольно поинтересовалась Резцова.

- Дело не только в... - Инесса поморщилась от негодования, - в Золотаревой! Все вы совершенно от рук отбились! Прямо не знаешь, что вы еще завтра или... может быть... даже сегодня... выкинете!

Глава 9

Лишние отметки не прибавят знаний

На классном часе выяснилось, что журнал 9-го «В» пестрит кем-то наставленными отметками против разных фамилий, а не только против Золотаревой. Ксения почувствовала, что внутри у нее что-то оборвалось - возможно, какой-то очень важный орган сместился на неположенное место. Слишком уж ей вдруг стало некомфортно и тревожно.

- И у кого же стоят лишние отметки? - осторожно поинтересовалась Овца Долли.

- Как выяснилось, те двойки, что я выставила Золотаревой в дневник, никто из учителей ей не ставил, и я не понимаю, почему она мне об этом не сказала.

Учительница после бесславно проигранной ею битвы за патронташ говорила о Ксении в

третьем лице и старалась не смотреть в ее сторону. Ксения же, напротив, безжалостно и в упор рассматривала свою классную даму и думала о том, как несправедлив мир. Кто сказал, что ее макияж хуже, чем ядовито-малиновая помада Инессы? У учительницы были такие тонкие и невыразительные губы, что она была вынуждена самостоятельно ежедневно исправлять этот природный недостаток путем их увеличения с помощью помады. Результата она достигала при этом такого, что Ксении при встрече с классной руководительницей всегда казалось, что она только что лопала прямо из банки малиновое варенье и забыла вытереть лицо.

- А еще лишние пятерки, - продолжала между тем Инесса Аркадьевна, - стоят у Брошенковой, Резцовой, Белых...

Она назвала еще несколько фамилий, но Ксения слушала плохо. Сейчас она думала о том, что кто-то понаставил этих отметок, надеясь в случае неудачи все свалить на нее. А может быть, ни на какую удачу тот, кто это сделал, и не рассчитывал, а целенаправленно собирался подставить ее.

- Две лишние двойки стоят у Германовича - по геометрии и еще одна у Сыромятниковой - по литературе...

Ксения обернулась к Стасу. Он в недоумении смотрел на нее расширившимися глазами. Она постаралась как можно выразительнее отрицательно покачать головой, чтобы он понял, что она на такое не способна.

- ...и если вы не признаетесь, кто это сделал, то ко всему классу будут приняты самые крутые меры! - услышала Ксения голос классной руководительницы.

- Какие же?

- С какой это стати?!

- Мы ничего не делали! - несло со всех сторон.

- В самом деле, Инесса Аркадьевна, - перекрыл всех голос Германовича, - какие такие страшные меры нам угрожают?

- Я думаю, что ваш класс просто расформируют - и все дела, - устало произнесла учительница, села за стол и предложила: - Так что лучше признайтесь, ребята, сами, кто это сделал. Я еле замяла историю с побегом, а теперь вот еще один подарочек... Журнал - это же документ! Его теперь переписывать надо или где-то заверять... Я, признаться, и сама точно не знаю, что с ним будут делать...

В классе повисла тишина, а потом девятиклассники, как в каком-нибудь шоу, стали по очереди с постоянным интервалом разворачиваться к Ксении, позади которой сидел только Стас Германович. Ему некуда было повернуться, и он вынужден был глазами буравить затылок Золотаревой. Через несколько минут весь класс в упор смотрел на Ксению. Под враждебными взглядами одноклассников она вынуждена была вскочить с места, довольно немелодично звякнув своими цепочками и брелоками.

- Что вы хотите этим сказать? - приподнялась со своего места и Инесса Аркадьевна.

- Они хотят сказать, что это я... - испуганно произнесла Ксения.

- Что - ты?

- Ставила в журнал отметки...
- Что за чушь? Сама себе двойки ставила? – отмахнулась классная руководительница.
- Да... сама себе поставила...
- Ксения, сядь, – вконец рассердилась Инесса. – Это абсолютно неоригинально. Наоборот, очень глупо и... на тебя не похоже.
- И тем не менее это я! – Голос Золотаревой набрал силу.
- Да? – Учительница усмехнулась. – И зачем же, скажи на милость?
- Ну... чтобы всем понравиться... Вы же знаете, класс меня не любит...
- И чтобы тебя полюбили, ты наставила себе двоек? Никогда не поверю!
- Ну и напрасно. – Порозовевшую Ксению уже несло так, что не остановить. – А других я специально пятерками решила порадовать!
- И на что ты рассчитывала? Неужели думала, что учителя не заметят на страницах журнала лишние отметки?

Ксения кивнула, изображая полную умственную отсталость.

- Та-а-ак! Я-я-сно! – иронично протянула Инесса Аркадьевна. – Решила кого-то выгородить! Только кого? – вот что интересно. Имейте в виду, – она обратилась ко всему классу, – я не поверила ни единому ее слову! Но если никто не признается, ей придется отвечать! Вы хотите, чтобы Золотареву исключили из школы?

Одноклассники молчали, но и Инессе, и Ксении было ясно, что они не против ее исключения, а наоборот за. И даже мечтают, чтобы это произошло, причем как можно скорее. Классная руководительница посмотрела на Золотареву и неожиданно для себя пожалела ее. Она вспомнила, как сама, будучи еще Инночкой Сосновской и учась в шестом классе, вот так же стояла одна против всех. Ее обвиняли тогда в том, что она украла из классного аквариума двух черных меченосцев, а на самом деле все было совсем иначе. Меченосцы просто почему-то вдруг взяли да и всплыли вверх раздувшимися животами в ее дежурство по классу. Инночка двумя пальчиками выловила дохлых рыбок и выбросила в туалет для девочек. Она была не виновата, но все долго еще обзывали ее рыбьей воровкой, потому что у нее дома, в ее собственном аквариуме, жили и собственные ее меченосцы. Они отличались от классных красными плавниками, но никто не хотел этого знать. Инесса Аркадьевна тряхнула головой, отгоняя грустные воспоминания, и ей вдруг до боли захотелось надеть на себя такой же патронташ, как у Золотаревой, взять в руки автомат Калашникова наперевес и встать рядом с Ксенией бок о бок, вдвоем – против всех, на защиту чести, достоинства и доброй памяти безвременно скончавшихся меченосцев. Разумеется, она подавила в себе это желание, велела девятиклассникам все еще раз хорошенько взвесить и вышла из класса.

Когда Ксения опустилась на стул, она сразу увидела перед собой на столе свернутый в трубочку листок из тетради в клетку. Она развернула записку и прочитала: «Вспомни проклятие Пиковой Дамы!» Подняв голову, она встретилась глазами с Овцой Долли. Та трагически покачала головой, мол, ничего не поделаешь, коли потусторонние силы против тебя. Ксения подошла к ней и спросила, размахивая ее запиской:

- Может быть, ты даже знаешь, кто «не для меня»?
- Может быть, догадываюсь.
- Ну?! Говори!
- Возможно, «он» – это наш класс, весь 9й «В» целиком! Хотя, может быть, это и Германович! Он ведь тебе нравится, не так ли?
- Не твое дело! – не смогла даже слукавить Ксения.
- Откуда тебе знать, что здесь мое дело, а что нет? – Долли смерила ее таким презрительным взглядом, что по спине Ксении пробежал холодок.
- А как же быть с Сыромятниковой? – все же спросила она.
- В каком смысле?
- Погляди, она сегодня в том же фиолетовом свитере!
- Да при чем тут Сыромятникова? Она с нами с первого класса учится... И на Германовича, между прочим, не зарится.
- А-а-а! Значит, Пиковые Дамы исключительно по Стасику специализируются? – расхохоталась Ксения.
- Не остроумно! – Это было единственное замечание, которое смогла выдать из себя Долли.
- Слышь, Лен! – Ксения чуть было не назвала Брошенкову Овцой. – А вдруг ты ошибаешься?
- В чем?
- В самом главном, Елена Прекрасная! А вдруг Сыромятникова все-таки мечтает именно о Германовиче? Имей в виду, она возьмет его, как крепость, приступом или измором. Подобные Ирке просто так не сдаются. Вспомни, как у нее истерика прошла, как только запахло фиолетовыми свитерами и волшебным словом – «он»!

Овца Долли снисходительно покачала головой:

- Что бы ты понимала в этом, Золотарева! Весь класс знает, что Ирка в Григорьева влюблена, и совершенно безответно. Второй год его штурмует – и никакого результата. Нечего тут острить на голом месте!
- В Григорьева? – удивилась Ксения и посмотрела на парту, за которой обычно сидел и прятал от нее глаза Сережа.

Сейчас его там не было – уже ушел домой. Она попыталась представить себе его лицо, но тут же поняла, что не может этого сделать.

Ксения спускалась по лестнице в гардероб и размышляла. Овца Долли напомнила ей то, что она за своими передрыгами совершенно забыла: косматая старуха все-таки стояла той ночью в дверях комнаты в квартире Брошенковых, и Ксения ее видела. Может быть, ее записка с проклятием не подделка? Может быть, Охотница, Овца и Сырок совершенно не собирались разыгрывать Ксению? Может быть, ей действительно не надо учиться в этом классе? И

Германович в самом деле не для нее...

Кое-как натянув на себя свою ярко-желтую куртку, Ксения вышла из школы и... столкнулась с тем, о ком только что напряженно думала, – со Стасом Германовичем. Ксении опять стало некомфортно и тревожно. Неужели сейчас все наконец выяснится? И будет ли это ей на пользу? С лицом, серым от нехороших предчувствий, она повернулась к Стасу.

– Не пойму я что-то, Золотарева, для чего ты мне вlepила «пары»? Может, объяснишь? – спросил он тусклым голосом, лениво перекатывая и глуша во рту раскатистые «р».

Ксения поняла, что он специально подждал ее на школьном крыльце, чтобы задать свои вопросы.

– Я этого не делала. И ты, – она посмотрела ему в глаза, – должен знать об этом лучше других.

– Ты так считаешь? – Германович сделал вид, что удивился.

– Стас, может быть, хватит притворяться? – Ксения набрала в грудь побольше воздуха и выпалила ему в лицо, как будто бросилась в воду: – Я же вижу, что нравлюсь тебе! Разве нет?

Германович смутился.

– Ну и прямая же ты особа, Ксения, – покачал он головой с довольно беспомощной улыбкой. – Видишь ли... ты, наверное, нравилась бы мне, если бы не...

– Если бы не что? – нетерпеливо переспросила она.

– Если бы не твой... дикий прикид! У меня традиционно-консервативный взгляд и на цвет волос с ресницами, и на все прочее. А кислотность я вообще ненавижу, хоть в музыке, хоть в одежде. Например, цвет твоей куртки мне режет глаза. Ты прости, но в ней только дорожные работы производить – чтобы машины случайно не наехали.

– А почему ты никогда мне об этом не говорил?

Германович удивленно пожал плечами:

– А я должен был?

– Ну... мне хотелось бы знать.

– Теперь ты знаешь.

– И все дело только в этом? В моей одежде?

– В общем твоем стиле.

– Ты хочешь сказать, что если бы я его изменила, то ты...

Германович очень серьезно посмотрел на нее и ответил:

– Пожалуй, да.

– И ты скажешь об этом всем?

- А разве обязательно об этом говорить? Да еще и всем?

- В моем случае – да! Они же все меня ненавидят. Ты сможешь в классе при всех сказать, что я тебе нравлюсь?

- Зачем впадать в такую крайность? Я что-то никогда не слышал, чтобы кто-нибудь при мне объявлял о своих отношениях вслух. Все и так видно, если есть на что смотреть.

- Нет, ты мне прямо ответь: сможешь? Для меня это очень важно!

Ксения, у которой все внутри трепетало, храбро посмотрела в карие глаза Германовича, и ей показалось, что в их темной глубине тоже что-то дрогнуло. Она не поняла, хорошо это или плохо, и продолжала неотрывно вглядываться в них.

Стас молчал чуть ли не минуту, будто взвешивал, стоит ли ввязываться в дело, которое обещает быть весьма хлопотным. Потом он, видимо, решил:

- Я же сказал, сменишь прикид – посмотрим...

Глава 10

Быть как все?

Как это скучно!

На следующее утро Ксения достала из шкафа черные чуть расклешенные брюки и скромный бежевый, в черную крапинку, свитерок, оставленные мамой в шкафу как совершенно невыразительные. Волосы она перекрасить, конечно, еще не успела, но решила, что главное начать изменение имиджа. Пусть Стас видит, что ради него она готова поступиться многим. Ксения стерла с ногтей черный лак, которым последнее время опять начала пользоваться, поскольку любимый зеленый два дня назад закончился. Она не только не стала, как обычно, доставать из шкатулки колечки, перстеньки, цепочки, а даже, наоборот, вынула из ушей и положила в нее серьги-крестики. Ресницы и губы решила не красить вообще.

Когда Ксения в таком, практически первородном, виде явилась в класс, ее опять, как и в первый день сентября, встретило удивленное молчание. Нарушила его, как часто уже бывало, Овца Долли:

- Ой! Поглядите-ка, умылась! Никак воду горячую включили?

- А Инесса, видать, ее намыливала за классный журналчик, – подхватил кто-то из другого конца класса.

- Да-а-а... – будто бы сожалея, протянула Резцова, – недолго музыка играла. Быстро тебя, Золотарева, обломали.

Ксения, с трудом сдерживаясь, чтобы не ответить что-нибудь резкое, повернулась к Германовичу и спросила:

- Ты тоже так считаешь?

Стас засуетился возле своей парты, складывая тетради и учебники в ненужную стопку. Она сверлила его взглядом до тех пор, пока он не поднял на нее глаза. Он их, правда, тут же отвел,

заискивающе улыбнулся классу и, грассируя больше, чем обычно, сказал:

- А что, ребята, она мне нравится! Будто только что родилась!

Класс услужливо заржал. Ксения вздрогнула, как от пощечины. Он сказал вроде бы то, о чем она его просила, и в то же время совершенно другое. Он обманул ее, предал и унизил.

- Эх ты! Трус! Предатель! Я не хочу тебя больше видеть! - крикнула она и в опять навалившейся на нее тишине выбежала из класса. Провались она, эта школа! Гори синим огнем, ненавистный 9-й «В»!

Дома Ксения первым делом подошла к зеркалу и впервые за последние месяцы начала разглядывать собственное отражение с пристрастием. Наверное, она сегодня действительно смешна. Непривычно белое, какое-то бесцветное лицо. И правда, как вымытое или даже ошкуренное наждачкой... А волосы... Никакого вида. Стрижка отросла, из-под фиолетовых прядей видны темно-русые. Надо краситься. Срочно! И она пошла в ванную. Ах, вам не нравится фиолетовый цвет? Что ж! Ей, пожалуй, он тоже надоел. Ксения начала рыться в настенном шкафчике. Где-то здесь был большой флакон зеленки... Мама, помнится, покупала, когда Ксения, свалившись с велосипеда прошлым летом, разодрала себе колени, и локти, и даже подбородок. А-а-а, вот он! Сейчас перекрасимся! Вам всем о-о-очень понравится!

Ксения перелила зеленку в широкую чашку, взяла старую зубную щетку и начала аккуратно придавать волосам новый, еще более экстремальный цвет. Сначала, в смеси с фиолетовым, получался какой-то дикий бурый, но Ксения проявила настойчивость, и через некоторое время «радикальный» зеленый цвет уже радовал глаз.

Она вернулась в комнату, подошла к зеркалу и при свете дня оглядела себя еще раз. Отпад! Круче, чем раньше, раз в сто! А с цыплячьей футболкой с надписями «STOP!» - вообще полный улет! Ксения тут же надела футболку и сама себе показала в зеркало поднятый вверх большой палец. Класс!

Потом, несмотря на веселенькую расцветку нового образа, она печально вздохнула и села на диван, чтобы обдумать как следует сложившуюся явно не в ее пользу ситуацию. Но вместо этого почему-то принялась вспоминать Ирку-Сырка с Григорьевым. Лицо Сергея по-прежнему не очень вспоминалось и представлялось окутанным какой-то дымкой, зато круглая сладкая физиономия Сыромятниковой в конце концов разрослась до размеров противоположной стены... И Ксения не заметила, как уснула. Несколько беспокойных бессонных ночей наконец дали о себе знать.

Очнулась она от того, что кто-то сильно тряс ее за плечо. С трудом разлепив веки, она увидела перед собой лицо разъяренной мамы.

- Что это? - показывая на волосы дочери, вопрошала та с самым брезгливым выражением лица, которое только сумела изобразить.

Несколько ошалевшая ото сна, Ксения не сразу поняла, о чем идет речь, а когда сообразила, то вмиг ошестинилась во все стороны одновременно и заняла круговую оборону.

- Это ничто, - очень содержательно ответила она, что вдвойне прибавило маме ярости.

- Как это «ничто»? - Мамино лицо покрылось пятнами, близкими по цвету предыдущему колеру волос Ксении. - Это настоящее свинство - вот что! Не успела я еще перед всеми в

школе извиниться за твою фиолетовость, а тут – здрасте пожалуйста, новый вариант! И еще лучше прежнего! А эт-т-о... – мама двумя пальцами схватилась за надпись «STOP!» и вытянула из футболки на животе дочери морщинистый желто-красный конус, – откуда?

- Из секунд-хенда.

- Какой ужас! – Мама отцепилась от футболки и запустила обе руки в собственные волосы нейтрального мышиноного цвета. – Люди подумают, что мы нищие! – Она закатила глаза и застонала так, будто об их нищете уже напечатали в газетах.

Когда она вернула глаза в исходное положение, они моментально наткнулись на висящий со вчерашнего дня на спинке стула патронташ. Мама дрожащим пальцем указала на него и сдавленным шепотом спросила:

- Я надеюсь, ты... не надевала это... в школу?

Ксения кивнула.

Маме очень хотелось, чтобы кивок означал, что не надевала, но выражение лица дочери недвусмысленно говорило об обратном.

- Ну, знаеш-ш-ш-шь! – последнее «ш» мама по-змеиному тянула очень долго, потому что совершенно не знала, что еще сказать, как еще выразить переполнявшее ее возмущение. Когда «ш» все-таки закончилось, ей пришлось в воспитательных целях опять сказать то, что она уже говорила не раз, правда, до сих пор без всякого успеха: – Или... ты приводишь себя в порядок, или... я не хочу знать... такую дочь!

Ксения молча прошла в свою комнату, выставила на подоконник знаменитую бегонию в ярко-белом пластиковом горшке, опустилась на диван и, скрестив руки и опустив голову на грудь, приготовилась терпеливо выждать оставшиеся два часа до девяти – до времени встречи с Ночным Мотоциклистом. Она не проронила ни слова ни на мамины вопли, ни на вопросы отца, который вскоре пришел с работы и неосторожно присоединился к воспитательному процессу. Мама щипала его в бок, подталкивала к дочери и очень на него рассчитывала. Отец, беспомощно потирая ладонью подбородок, пытался взять Ксению лаской и сочувствием, но этот вариант тоже не прошел. Дочь не верила в его искренность. Он был с мамой заодно, просто слабее темпераментом.

Пятнадцать минут десятого Ксения все так же молча встала с дивана, сунула ноги в старые кроссовки, сдернула с вешалки свою куртку и вышла из квартиры.

Ксения боялась, что Мотоциклист не приедет. Он мог не успеть заметить бегонию, поскольку она стояла на окне не больше двух часов. Они ведь уже давно не встречались.

Ксения почти бежала, пока не увидела, что в условленном месте, опершись спиной о фонарный столб, возле своего железного коня стоит Мотоциклист. Без шлема. Издалека в свете тусклого фонаря его лицо разглядеть было невозможно. Ксения замедлила шаги, но подобраться незамеченной все-таки не сумела. Мотоциклист, видимо, почувствовал ее, быстро надел шлем и только тогда обернулся.

- Я хочу видеть твое лицо, – сказала она, поравнявшись с ним.

Мотоциклист отрицательно помотал головой.

- Я все равно знаю, кто ты.
- Тем лучше, - глухо отозвался он и тут же заговорил о другом: - Я знаю, у тебя неприятности.
- Ты можешь помочь?
- Пока не придумал как...
- А ты думал?
- Да...
- Я не вернусь домой, - в отчаянии выдохнула Ксения.
- Как это? - растерялся Мотоциклист.
- Так получилось... Видишь? - Она вышла на свет, чтобы он увидел ее волосы.
- Зачем?! - Парень так огорчился, что для Ксении это стало последней каплей, переполнившей чашу ее страданий. Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Мотоциклист взял ее за плечи и, не утешая, по-деловому сказал:

- В школу так нельзя. Ты вызовешь такое... Едем к нам на дачу. Там сейчас никого нет. А завтра я привезу тебе какое-нибудь средство... ну... чтобы перекрасить... Я узнаю, что нужно, и привезу.
- Ничего особенного не нужно. Это всего лишь зеленка... Она смывается, - всхлипнула Ксения.
- Тем более! У нас там и вода есть, и даже газовая колонка... Едем?

И они тряслись по разбитой дороге около полутора часов. К концу поездки Ксения была так вымотана, что ни о каком мытье головы не могла даже и думать.

- Не побоишься остаться здесь одна до утра? - спросил Мотоциклист. - А завтра утром я приеду за тобой. Захватчу каких-нибудь шампуней... покачественней.
- У меня нет выбора, - преодолевая дурноту, ответила Ксения. - А тебе слабу остаться?
- Мать сойдет с ума. Я могу из дома твоим родителям позвонить, чтобы не волновались. Скажу, что с тобой все в порядке, хочешь?
- Не вздумай! Им нужна не я, а пай-девочка в бантиках с губками сердечком. Пусть помучаются! - мстительно заявила Ксения.
- Как хочешь...
- Знаешь, мне кажется, Ночной Мотоциклист отыграл свою роль. Шлем, конечно, искажает голос, но не до такой же степени... Сними его, Стас!

- Успеется, - отозвался он. - Ложись спать. Там в углу мое кресло-кровать. Оно старое, но застелено чистым бельем. Я запиру тебя на все замки. На окнах у нас сплошные металлические щиты, так что никто не догадается о твоём присутствии здесь, даже если везде зажжешь свет. На кухне у мамы всякие продовольственные запасы. С голоду не умрешь! А я завтра, часов в

девять утра, в крайнем случае в половине десятого, буду здесь.

- А школа?

- Да ладно, никуда она не денется!

Ксения устало опустилась на предложенное ей кресло-кровать.

Мотоциклист с минуту постоял возле, разглядывая ее через тонированное стекло шлема, потом быстрым шагом вышел из комнаты. Ксения услышала, как в замке повернулся ключ, и лязг какого-то запора, потом раздался рокот двигателя мотоцикла. Наконец все звуки стихли. Ее так утомили события сегодняшнего бурного дня, что, оставшись одна на чужой полутемной даче, она не в силах была даже бояться. Ксения сбросила кроссовки и, как была, в куртке, улеглась на кресло и тут же уснула.

- Быстро мне в руки ключ от гаража! - скомандовала мама, как только Мотоциклист зашел в квартиру. Было такое впечатление, что она поджидала его возле входной двери.

- Почему? - спросил он.

- Посмотри на часы!

Мотоциклист отогнул рукав черной кожаной куртки. Часы показывали десять минут второго. Только сейчас он заметил, что мать стоит перед ним босиком, в ночной рубашке.

- Где ты был? - спросила она, и он увидел, как дрожат ее губы.

- Я просто гулял, ма... Не смотрел на часы...

- С кем?

- С ребятами...

- Неужели твоим ребятам родители разрешают шляться по ночам?

- Нет... Мы случайно... Заболтались... В детском саду в беседке сидели.

- Хватит врать! - всхлипнула мама. - Я обзвонила всех твоих друзей! И все, между прочим, давно дома!

- Но... ты же не всех знаешь, ма...

- Повторяю: хватит врать! У тебя даже не хватило сообразительности как-нибудь спрятать шлем. Тебе ведь запрещено ездить в городе, у тебя нет прав! И ты обещал!

- Я не ездил... это так... я просто хвастался шлемом... Ни у кого такого нет...

- Эх ты! - Мама вытерла ладонью выкатившуюся слезу. - Сплошное вранье! Я тебе верила, а сегодня... вечером... я тебя видела...

- Где? - испугался он.

- Около школы, когда выходила из универсама. Я зашла туда по пути с работы.

Он перевел дух. Значит, с Ксенией она его не видела, потому что возле школы он обычно разворачивался, чтобы ехать смотреть на ее окно.

- Повторяю, - сказала мама, - отдай ключи! Я провела ужасный вечер... Уже давно ночь, и если б ты только знал, чего я не передумала, пока ждала тебя!

- Ну... ма... я же не хотел... Прости... Так получилось...

- Я жду ключи!

- Нет... то есть завтра...

- Ты что, отдал их кому-нибудь?

- Нет! Зачем? Они никому не нужны. Я завтра обязательно отдам...

- Отдашь сейчас! - твердо сказал, выходя в коридор, отец. - Подвел ты меня, парень! Я ведь матери за тебя ручался, а ты, оказывается, гоняешь на мотоцикле по городу. Совести у тебя нет, вот что! Давай ключи!

- Нет! - Мотоциклист по глупости автоматически сжал рукой карман куртки. Старая подкладка треснула, тяжелая связка ключей с грохотом выпала в образовавшуюся прореху и проехала по скользкому полу прямо к ногам отца.

- Вот так! Справедливость все-таки восторжествовала! - констатировал, подбирая связку, тот. - Мотоцикл я разберу до лучших времен. А за нарушение данного слова на тебя налагается домашний арест на три дня.

- А как же школа? - в один голос спросили мама с сыном.

Отец ответил теми же словами, которые пару часов назад Мотоциклист сказал Ксении:

- Никуда она не денется! - И добавил: - Наверстаешь, не дурак.

- Не наверстаю! У меня завтра контрольная... по физике! - сочиняя на ходу, перешел на крик Мотоциклист.

- Перебьешься! Потом напишешь! - не менее громко и очень грозно ответил отец.

- И что означает этот арест? Ты меня цепями к батарее прикуешь?

- Понадобится - и прикую! А пока посидишь взаперти... Я, пожалуй, прямо сейчас дверь закрою, чтобы не сбежал. - И отец ключами сына запер входную дверь, а потом, шлепая по полу прихожей босыми ногами, ушел в комнату.

- А если бы тебя сбили?.. - опять всхлипнула мама, махнула рукой и отправилась вслед за отцом.

Мотоциклист зачем-то подергал входную дверь, хотя знал, что открыть ее непросто. Когда в прошлом году ограбили соседнюю квартиру, отец вместе со старшим братом основательно поработали и над укреплением жилища.

Мотоциклист с ужасом думал о Ксю. Завтра с утра он точно не попадет на дачу. Выпросить у отца ключи не удастся, не тот он человек. А Ксю будет его ждать. Он обещал приехать. Что же

делать? Что же делать?..

Прежде всего надо все-таки позвонить родителям Ксении. Она этого не хотела, но наверняка сгоряча, от обиды. А ее мать, наверное, сейчас в состоянии не лучше, чем его собственная. Он набрал номер Золотаревых. Трубку схватили сразу же – видно, родители давно сидели у аппарата и тоже воображали себе всякие ужасы, которые могли произойти с пропавшей дочерью.

– С Ксенией все в порядке. Она... просила передать, что ночует у подруги и завтра будет дома, – скороговоркой выпалил он и, не слушая никаких вопросов, бросил трубку.

Как же вызволить Ксю с дачи? Мотоциклист метался по своей комнате, пока одна спасительная мысль наконец не пришла ему в голову.

Глава 11

Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь

Ксения проснулась часов в десять. Надо же! Опаздывает Ночной Мотоциклист! Нехорошо, а ведь он обещал... С другой стороны, может, это и к лучшему. Возвращаться ни домой, ни в школу ей совершенно не хочется. Пусть, пожалуй, он еще немного задержится.

Ксения поднялась с кресла и с интересом обошла комнату, в которой находилась. Все, как у всех: старая, отслужившая свой век в городской квартире и вышедшая из моды мебель, пожелтевший тюль на окнах, смешная трехрожковая люстра. А здесь что? Надо же! Старый телевизор «Радуга»! Точь-в-точь такой же был раньше и у них. У окна письменный стол с набросанными на нем в беспорядке журналами, потрепанными книгами, газетами, блокнотиками и тетрадками.

Ксения принялась с любопытством перебирать книги и тетради. Их набор был тоже стандартным для дачи: дамские романы, детективы без начала и конца, брошюра с правилами дорожного движения, журналы «Приусадебное хозяйство», пособие по заготовке овощей и фруктов на зиму, учебник географии за восьмой класс. Ничего заслуживающего внимания. Блокноты содержали какие-то технические записи, расчеты с ошеломляющего вида формулами. Ксения уже без всякого интереса открыла общую тетрадь с нарисованным на обложке гигантским циркулем и прочитала на первой странице: «Тетрадь по геометрии ученика 8-го «В» класса Германовича Станислава». Прошлогодня...

Сердце ее забилось чаще обыкновенного раза в три. Вот! Вот оно, доказательство! Почему же Мотоциклист не захотел снять шлем? Она же сказала ему, что давно обо всем догадалась. Дурачок! Дело, видимо, все в том же: его шокирует ее внешний вид. Как это он вчера сказал при виде ее зеленой шевелюры: «В школу так нельзя». Трусит.

Ксению опять неприятно кольнуло осознание того, что Стас не может пойти против общественного мнения. Ну не носят в их «Сорбонне» фиолетовые волосы и зеленые ногти! И он наверняка «не снимет шлем», пока она не изменит свой имидж. Что ж! Пожалуй, она готова... Только ради него! В благодарность за прогулки на мотоцикле, за сочувствие, за приют на даче и, может быть, за... Ксения даже в мыслях пропустила слово «любовь», будто бы никогда и не думала о ней вовсе. Где тут их колонка? Она прямо сейчас помоеет голову. Сразу вся зеленка, конечно, не смоется, но будет уже гораздо лучше. Может быть, Стас, когда вернется, не станет так болезненно дергаться, глядя на цвет ее волос.

Колонка висела на стене небольшой кухоньки. Это был самый новый предмет на даче: белый, блестящий корпус, современный дизайн, светящиеся кнопки, блестящие краны. Стоящий рядом с колонкой пожелтевший холодильник казался прямо-таки отжившим мамонтом. Ксения решительно подошла к чуду техники и... поняла, что порадовать Стаса вряд ли удастся – она ни за что не сможет сообразить, как ею пользоваться. Сломает еще или устроит пожар. А из дачи, между прочим, не выскочить. Она заперта на замки, засовы и прикрыта щитами на окнах. Чем гореть заживо, лучше все-таки поносить еще немного зеленочные волосы.

Ксения побродила по кухне. В массивном старообразном буфете оказались в наличии чайные пакетики, сушки, варенье в литровых банках. В электрическом чайнике даже плескалась вода. Ксения на всякий случай понюхала ее – затхлостью не пахло. Она с удовольствием погрызла сушки, макая их сначала в чай, а потом в сливовое варенье, еще раз обошла дачу, взяла в руки дамский роман поновее и углубилась в перипетии чужой и до приторности счастливой любви.

Она дочитала томик почти до половины, когда наконец послышался лязг отодвигаемых засовов. Ксения замерла на месте от страха. Знакомого урчания мотоцикла она ведь не слышала! Значит, там, снаружи, не Стас... Тогда кто? Неужели его родители? Только этого еще не хватало! Как она объяснит им свое присутствие здесь? А вдруг там это вообще дачные воры? Ведь когда кончается дачный сезон, начинается сезон охотников за чужим добром...

Ксения соскочила с кресла и вжалась в узкую щель между платяным шкафом и старым слоноподобным сервантом. Каково же было ее удивление, когда вместо Германовича или, на худой конец, дачных грабителей в комнату вошла Ирка – Глазированный Сырок.

- Золотарева! Ты где? – крикнула Сыромятникова, с боевым задором оглядывая комнату.

Растерянная Ксения не без труда вылезла из своей щели.

- Ну ты даешь! – отшатнулась от нее Ира. – Совсем с ума сошла! И где только умудрилась зеленую краску для волос достать?

- А что? Неужели тоже хочешь покраситься? – тут же отреагировала Ксения, хотя интересовало ее совсем другое.

- Нет, конечно, у меня пока еще с мозгами все в порядке!

- Чего и в дальнейшем тебе желаю, – начала с пол-оборота заводиться Ксения, но потом одернула себя и перешла к делу: – Как ты здесь оказалась?

- А ты не догадываешься?

- Нет... – Ксения покачала головой.

- Да ни за что не поверю! – саркастически улыбнулась Сыромятникова и, закинув ногу на ногу, уселась в кресло, в котором только что сидела и упивалась сладкой литературной любовью Ксения.

- Но... я в самом деле ничего не понимаю... – уже с тревогой проговорила Золотарева.

- Все ты понимаешь! ОН прислал! – Ирка так выделила голосом слово «он», будто бы написала его большими буквами.

- А... где он сам? – осторожно спросила Ксения.

- Родичи арестовали.

- Как? За что?

- За мотик! У него же нет прав. Родители разрешали ему только по дачному поселку ездить, а он по городу гонял. Вчера мамаша его застукала, а папаша дома посадил на три дня.

Ксения невольно охнула.

- Нечего теперь охать. Раньше надо было думать!

- Когда это раньше?

- Ну... не знаю... Тогда, когда завлекала его в свои сети!

- Я не завлекала. Он сам предложил меня однажды прокатить. Я не напрашивалась, честное слово!

- А чего не отказалась, если сети, говоришь, не расставляла? - резонно спросила Ира.

- Не знаю... Я никогда раньше на мотоцикле не ездила. Хотелось попробовать.

- Ну и как?

- Супер!

- Завидую, - мрачно подытожила эту часть разговора Ирка-Сырок.

- Может, и тебя как-нибудь прокатит, - предположила Ксения. - Но... лучше скажи, зачем он тебя прислал?

- Как зачем? Будто не понимаешь. Выручать тебя, конечно! Ему же из квартиры не выбраться, а у нас дачи рядом, их ключи у нас на всякий случай хранятся, а наши - у них.

- И как же ты? Я не слышала мотоцикла...

- А я на вертолете прилетела, - усмехнулась Ира. - Ты тут, я смотрю, совсем офонарела от одиночества. Какой мотоцикл? На электричке я приехала! С тебя, между прочим, шестьдесят рублей.

- За что?

- Думаешь, я стану на какую-то Золотареву свои деньги изводить? Проезд только в одну сторону двадцать рублей стоит, а нам еще вдвоем назад ехать.

- Ир! У меня с собой вообще денег нет. - Ксения виновато посмотрела на Сыромятникову.

- Зато у меня есть. Поэтому и говорю: с тебя шестьдесят рублей. Завтра отдашь. И ни днем позже!

Ксения с готовностью кивнула.

- Правда, я никак не могу понять ваших дел: вчера приехала, сегодня срочно надо обратно. Зачем ехала-то? Ночевать негде? - Ирка буравила Ксению своими пронзительными карими

глазами.

- Какая тебе разница? – отмахнулась от нее Золотарева. – Все равно уж приехала за мной. Знаешь, я это оценила. Не каждая бы так поступила. Спасибо.

Сыромятникова зло рассмеялась:

- На что мне твое «спасибо»? Неужели ты думаешь, что я за твои чумовые фиоле... то есть зеленые, кудри школу прогуляла?

- Нет, конечно... Ты, наверное, из-за Германовича? Он очень просил?

- При чем тут Германович? Плевать мне на вашего Германовича!

- Тогда я совсем ничего не понимаю! – окончательно растерялась Ксения.

- Это я ничего не понимаю! – не менее Ксении удивилась Ирка. – Здесь что, еще и Германович был?

- Германович-то был, конечно...

- Во дают! Так чьи же я дела устраиваю? Твои со Стасиком, что ли? И зачем мне это надо? Хотя... – Ирка вдруг так счастливо улыбнулась, что больше чем когда-либо стала похожа на свеженький кисломолочный глазированный продукт. – Все гораздо лучше, чем я думала. Отлично! Едем! Только вот мне с тобой, такой... зеленой, прости, даже рядом идти стыдно.

- Я могу идти отдельно, – медленно произнесла Ксения, потому что в ее мозгу шла напряженная работа совсем в другом направлении. – Скажи, Ира, а у Германовича есть мотоцикл?

- Насколько я знаю, нет.

- А ездить он умеет?

- Вот это мне неизвестно. Возможно, как-нибудь плохенько сможет. У наших парней в прошлом году автодело было. Обжэшник где-то достал старый грузовик, всех мальчишек ездить учил, пока какие-то сволочи эту машину не разобрали до основания. Меньше года у школы под навесом простояла.

Ксения подумала еще, потом резко развернулась к Ирке-Сырку и дрожащим голосом задала самый важный для нее сейчас вопрос:

- Эта дача... Германовичей?

- Еще чего! Твой кретин Стасик привез тебя на дачу Григорьевых.

- Не может быть... – побелела лицом Ксения и в сочетании с зелеными волосами стала похожей на только что вытащенную из воды задыхающуюся русалку.

- Э-э-э, Золотарева! – испугалась Ира. – Ты чего? Здесь врачей нет! Воды дать?

- Не надо... – Ксения собралась с силами и задала Сырку еще один очень важный вопрос: – Кто попросил тебя сюда за мной съездить?

- Ну ты даешь! Что за вопросы? Серега, конечно. Его же дача! У Германовича ключей от нее нет.

- Так ты говоришь... Григорьева родители посадили под домашний арест за мотоцикл?

- Ну да!

- А тогда это что? - И Ксения протянула Ирке тетрадь по геометрии ученика 8-го класса «В» Германовича Станислава.

Ирка покрутила в руках тетрадь и пожала плечами:

- Тетрадь как тетрадь... прошлогодняя... Сама не видишь, что ли?

- Вижу. Но почему тетрадь Германовича на даче у Григорьевых?

- Понятия не имею! Может, они вместе к экзамену готовились? У нас в прошлом году один экзамен был, переводной, и как раз по геометрии. А может, Серега что-нибудь списывал с тетрадки Стаса. Кто их знает... И вообще, при чем тут тетрадь?

- Ира, а есть у Григорьева мотоциклетный шлем... такой... шикарный, фирменный... с тонированным стеклом? - с новым вопросом наступала на Сыромятникову Ксения.

- Есть. Ему старший брат летом подарил. На день рождения.

- А куртка черная... вся в заклепках?

- Кожаная?

- Да.

- Есть и куртка! Ты не представляешь, как тетя Тамара ругалась, что Сережка хорошую вещь испортил. Даже на нашем участке были слышны ее вопли. А куртка, я тебе скажу, дрянь дрянью. Твой Германович ни за что бы такую не надел.

- Не может быть... - прошептала Ксения.

- Точно говорю! Он же у нас такой модник! А у родителей денег - куры не клюют! Одевают его, как звезду шоу-бизнеса.

- Да я не про то.... Какая же я дура...

- Кто другой, может быть, и спорил бы, а я так не буду! - тут же согласилась с ней Сыромятникова.

- У тебя, Ирка, тоже ума немного, - устало заметила ей Ксения. - Зря веселишься. Говорят, ты в Григорьева влюблена?

- А я и не скрываю! Сережка получше вашего придурка Германовича будет.

- Так вот, Сыромятникова, я здесь не с Германовичем была, а с Григорьевым...

- Чего ж ты мне про Стасика плела? - встрепенулась Ирка.

- Я не знала, - простонала Ксения. - Вернее, не хотела знать... Ты прости... Слушай, он тебе очень нравится?

- Да я ради него на что хочешь пойду! Видишь, даже за тобой на дачу приехала, школу закосила. А он все-таки... значит... с тобой? - Сыромятникова пожевала эту мысль губами, проглотила и спросила: - Тогда при чем тут Германович? Ничего не пойму. Ты меня совершенно запутала.

Ксения с жалостью посмотрела на сбитую с толку Ирку и вкратце рассказала ей историю своего знакомства с Ночным Мотоциклистом.

- И ты хочешь сказать, что все время думала, что тебя катает Германович? - возмутилась Сыромятникова.

- Нет. Сначала он говорил, что учиться в другом девятом, в параллельном. А однажды его исчезновение совпало с болезнью Стаса, и я подумала... вернее, мне очень хотелось думать, что Ночной Мотоциклист - Германович... Мотоциклист мне говорил потом, что у него мотоцикл сломался, а я не поверила.

- Ну и зря. У него не мотоцикл, а развалюха. Без конца ломается. Старикашка он - времен молодости дяди Толи... ну... отца Сережкиного. Тетя Тамара все время за Сережку дрожит: вдруг мотоцикл прямо под сыночком развалится. Они все так ссорятся из-за этой колымаги - ужас! Прямо яблоко раздора, а не «Иж».

- Какая же я дура... - опять повторила Ксения.

- Возможно, у тебя еще и со слухом не все в порядке? Вы же не молчали, общались же как-то. Не поверю, что шлем до такой степени искажает голос, что не узнать! Неужели...

- В том-то и дело! - перебила ее Ксения. - Мотоциклист грассировал, как Стас.

- Чего-чего делал? - не поняла Сырок.

- Ну... картавил немного. Звук «р» у него такой - раскатистый.

- А-а-а! Так бы и говорила! Сережка тоже нечисто «р» выговаривает. Мы, между прочим, в первый класс втроем из одной группы логопедического детского сада пришли: я, Стасик и Сережа. Я в детстве свистящие и шипящие путала и неправильно их выговаривала. Как ты думаешь, что у меня означало «школькие шашуки»?

Ксения, улыбнувшись, сказала первое, что пришло в голову:

- Школьные шашлыки?

- Никакие не шашлыки, а скользкие сосульки. У меня все прошло, а у Сережки и Германовича - нет. Наверное, звук «р» труднее восстанавливается. Они, конечно, могут произнести правильно, если захотят. Этому в садике и учили. Но Стасику, я думаю, лень напрягаться, да и к чему? Девчонки и так в обморок падают от одного его взгляда. Вот взять тебя! Не успела к нам прийти, тут же в него втрескалась.

- Погоди, Ира. Разве Григорьев картавит? Я никогда этого на уроках не слышала.

- Много ты его слушала! И потом, он начинает «рычать» или... как ты говорила-то?..

- Грассировать...

- Вот-вот! Он начинает грассировать только тогда, когда очень волнуется. Поняла?

Покрасневшая до слез Ксения еле кивнула.

- Выходит, говоря с тобой, он все время волновался. Сечешь, Золотарева? - Сливочное лицо Сыромятниковой тоже начало наливаться краской. - А ты, между прочим, не заслуживаешь, чтобы из-за тебя люди так волновались. Согласна?

Ксения опять кивнула.

- Эх! - Ирка звонко шлепнула ладонью по подлокотнику кресла и криво улыбнулась. - Он не для меня... А я так надеялась, что записка тебе...

- Разве? Мне казалось, как только ты услышала про фиолетовый цвет, сразу решила, что записка написана тебе, и вроде бы даже обрадовалась.

- Ты не понимаешь... Я на этот сеанс по вызову духа специально навязалась, чтобы узнать о Сереже. Спросить хотела эту... - Иру передернуло, - эту косматую Даму про него. Видишь ли, я знала, что ему нравится Дианка, и вдруг что-то случилось. Он совершенно перестал смотреть в ее сторону. Я думала, вдруг он меня наконец заметил. А Резцова, между прочим, тоже понимала, что Григорьев к ней охладел, и злилась. Я, знаешь, думаю, что и она у старухи узнать о Сергее хотела...

- А разве ей не Германович...

- Нет! По Стасику сохнет Брошка, а Дианка, как подруга, ей только помогает. А с фиолетовым цветом я просто приколотась, как только увидела на бумаге компьютерный шрифт. Я сразу успокоилась, потому что поняла - это подстава.

- А как же та старуха в зеркале? Ты ведь ее тоже видела?

- Видела... Она мне иногда теперь ночью снится. Просыпаюсь, как говорится, в холодном поту.

- И что ты по ее поводу думаешь?

- Честно говоря, ничего... Хотелось бы думать, что девчонки и это подстроили, но они, по моему, и сами здорово испугались. Помнишь?

- Конечно.

- Так что, Золотарева, тайну эту еще предстоит разгадать. И, возможно, нам с тобой!

- Каким образом?

- Пока не знаю, но мне очень хочется все это выяснить.

- Хорошо бы еще выяснить, кто лишних отметок в журнале понаставил, - вспомнила о своих неприятностях Ксения. - Не хочу за других отдуваться.

- А разве это не ты? - спросила Сыромятникова таким фальшивым голосом, что Ксения даже выронила на пол любовный роман, который до сих пор держала в руках.

- Ирка! Значит, это ты постаралась! Но зачем? - крикнула Ксения.

- Вовсе не я, - так же неубедительно отозвалась Сыромятникова, и ее коричневые глаз-изюминки совсем утонули в сдобных щеках.

- Брось, по тебе все видно. Еще раз спрашиваю: зачем ты это сделала?

Ирка молчала.

- Слушай! - затеребила ее Ксения. - Я не собираюсь на тебя стучать, но должна хотя бы знать, за что страдать буду.

- Врешь, что не стукнешь!

- Не вру. Ты же слышала, как я Инессе сказала, что это моих рук дело.

- Но она же не поверила!

- Ну и что? Я не собираюсь от своих слов отказываться, и стоять на своем мне нетрудно. Во-первых, я действительно журнал портила, а во-вторых, никто из взрослых все равно не поверит, что я только себе двоек наставила. Скажи, Ирка, зачем ты все это заварила? Что за грандиозный план ты вынашивала? Признаюсь, я ничего не понимаю.

- Честно говоря, я хотела тебя как-нибудь подставить...

- Зачем?

- Чтобы из школы исключили...

- Спасибо, конечно, за честность... - растерянно проговорила Ксения. - Но почему?

- Все потому же - из-за Сереги. Несколько дней назад я наконец разобралась, почему он перестал смотреть на Резцову. Из-за тебя! Только я не понимаю - что он в тебе нашел? Чучело зеленое!

- А я не понимаю, зачем ты за мной приехала, раз так ненавидишь. Я тут за три дня, что Григорьев будет находиться под арестом, совсем с ума сошла бы от страха и неизвестности. Думаю, тебе это было бы приятно! Говори, зачем приехала? Что еще задумала? - Ксения скрестила руки на груди, пытаясь продемонстрировать таким образом Ирке-Сырку, что ее голыми руками не взять.

- Ничего я больше не задумывала. - Сыромятникова выпустила из щек на волю свои глазки, и они оказались полными такой тоски, что у Ксении опустились только что напряженно сложившиеся руки. - Я не могла не поехать, - тихо сказала Ирка. - Он меня просил. Я же сказала, что для него сделаю все. Я люблю его, еще с подготовительной группы логопедического садика люблю. А он тебя любит, как дурак... А ты - Германовича. Какая путаница и несправедливость!

- Да уж... - осторожно ответила Ксения.

- Вот ты скажи, - неожиданно продолжила Ирка, - чем я хуже тебя?

Ксения неопределенно пожала плечами.

- Ты, наверно, думаешь, я толстая? Нет! Ошибаешься! Мама говорит, что у меня просто кость такая - широкая. А сама я совсем не толстая. Это просто обман зрения.

- Вполне возможно, - ответила Ксения, чтобы хоть как-нибудь утешить расстроенную Сыромятникову.

- Слушай, Золотарева, а давай я скажу Сереге, что ты влюблена в Германовича и что у него нет никакой надежды? Ты ведь не против? Это же правда!

- Я ему уже говорила об этом... почти...

- И что он?

- Теперь я понимаю, что он очень огорчился.

- Но ты ведь на него не претендуешь, а, Золотарева? Германович-то гораздо лучше. У него и рюкзак «Камелот», и кроссовочки какой-то навороченной фирмы. А ресницы! Ты обратила внимание, какой длины у Стасика ресницы? Девчонки от них просто как мухи мрут! И к тому же гриси... грари... ну, в общем... картавит он не хуже Григорьева, а даже лучше. А если Стасик у родителей попросит себе мотоцикл, так они ему такой купят - умереть не встать! Накатаешься до умопомрачения! Ну? Так я скажу Сережке? Договорились?

- Знаешь, Ирка, после разберемся с ресницами и мотоциклами. Поехали домой! Ты иди впереди, а я за тобой. Ну... чтобы тебя, значит... не позорить.

В электричке Сыромятникова тоже села отдельно от Ксении. А та очень этому обрадовалась - ей хотелось подумать обо всем, что с ней приключилось за два недолгих месяца, что она училась в новом классе. Как она могла так оплошать? Зачем ей нужно было связываться с дурацким вызыванием духа Пиковой Дамы? Ну что она теперь имеет? Одно нервное расстройство, раздражительность и страх темноты. Все-таки не может та страшная карга в зеркале существовать по-настоящему. Может быть, у Овцы свечи были особенные, с каким-нибудь галлюциногеном? Они так сильно пахли... Нет, не стала бы она и себя заодно травить, и Охотницу. Свечи у нее с Нового года остались. Наверно, в них сильный ароматизатор добавлен.

С другой стороны, на следующий же день после компьютерного послания с проклятием Пиковой Дамы с ней, Ксенией Золотаревой, начались неприятности. Еще журнал с отметками... Неужели из-за него ее исключат? Хотя... может быть, это даже и к лучшему. Конечно! Ведь здорово будет - никогда больше не видеть Овцу Долли, Охотницу, толстенького Сырка, Германовича...

Ох, Германович... Как она могла в нем так ошибиться? Как могла не замечать, что он не понимает никаких ее намеков? Сейчас это настолько очевидно, что от одних только воспоминаний об их разговорах краской стыда заливаешь лицо. И человек он совсем другой. Ничего общего с Мотоциклистом! Неужели любовь так застилает глаза? Ксения впервые употребила слово «любовь» по отношению к чувствам, которые она испытывала к Стасу, и оно, это слово, показалось ей сейчас неуместным. Может быть, потому, что Германович оказался не таким, каким ей хотелось бы. Не нужны ей его ресницы и рюкзак «Камелот». И сам он, такой веселый, красивый и благополучный, не нужен!

Ксения посмотрела в окно. И стала внимательно разглядывать законные пейзажи - специально, чтобы не переходить думами к Григорьеву, потому что ей было невыносимо стыдно. Электричка неслась мимо широких разлапистых елей, ярко-зеленых и сказочно-красивых, как в Берендеевом царстве, мимо уже потерявших свою листву кленов и тополей. А

вот рябина... Надо же – одна на пригорке, красная, как факел! Голые деревья – это все они: Овца Долли, Охотница, Германович. Вечнозеленая толстая елка – это Ирка-Сырок со своей не менее вечной любовью к Григорьеву, тянущейся аж из подготовительной группы логопедического детского сада. А рябиновый факел – это, конечно, сам Сергей, которому одному только и нужна Ксения. Он помогал ей и выслушивал ее откровения абсолютно бескорыстно, ничего не требуя взамен. Она приникла к окну. Мимо продолжали нестись деревья, но ни в одном она не видела себя. Ее нет в этом лесу, ни с Овцами, ни с Сырками. И вряд ли она, Ксения, полное ничто после всего случившегося, посмеет приблизиться к факелу-Сереже.

- Слышь, Золотарева, – Ксению ткнула в бок Сыромятникова, – я все-таки к тебе сяду, а то так скучно, прямо не могу.

- Да ты что, Ирка?! – притворно испугалась за нее Ксения. – Вдруг пассажиры подумают, что мы с тобой заодно и ты тоже едешь краситься в зеленый цвет!

- Ладно тебе, не остри. Я, знаешь, что думаю?

- Что?

- Может, нам с тобой еще раз вызвать эту старуху... ну... Пиковую Даму...

- Зачем?

- Выяснить хочется, была ли она на самом деле... Дух ли настоящий, или все девчонки подстроили...

- А что изменится-то, если ты узнаешь?

- Если она все-таки настоящая, я спрошу про Серегу, а тебе советую выяснить, как выпутаться из истории с классным журналом.

- Плевать мне вообще-то на тот журнал! – честно сказала Ксения. – Но я, пожалуй, согласна еще раз попробовать. Ну, с зеркалом... с Дамой Пиковой...

- А что ты хочешь у нее узнать? – Любопытная Ирка приблизилась к Ксении вплотную, уже абсолютно не беспокоясь о том, что та ее сильно компрометирует своим эпатажным имиджем.

- Знаешь, мне кажется, ты права: нельзя оставлять такое дело не разгаданным. И если вдруг Пиковая Дама на самом деле существует, у меня тоже найдется, что у нее спросить. Только это не твоего ума дело, Ирка!

- Подумаешь! – Обиженная Сыромятникова слегка отодвинулась от Ксении.

- Ладно, не обижайся! – просительно заглянула ей в лицо Ксения. – В общем, я не против твоей идеи, но, честно говоря, не представляю, как воплотить ее в жизнь. Я даже боюсь подумать, как меня сейчас дома встретят. Может так случиться, что после сегодняшнего ночного отсутствия меня вообще никуда не выпустят дня три, как Григорьева. А дух ведь ночью надо вызывать...

- А почему, собственно, ночью? Кто сказал, что ночью? – Ирка опять придвинулась к Золотаревой.

- Ну... вроде так принято. Может, они днем не появляются.
- Это вампиры днем не появляются, потому что для них солнечный свет смертелен, а Пиковая Дама же не вампир!
- Откуда ты знаешь? Вид у нее был очень даже вампирский - кровожадный такой, аж жуть...
- Хм, вообще-то ты права: Пиковая Дама - все-таки мертвец, а мертвецы из могил, как и вампиры, по ночам встают.
- Да нет же, никакой она не мертвец! - вдруг сообразила Ксения. - Она литературная героиня, хоть, конечно, по сюжету и умершая... Ее Пушкин придумал.
- Ой, как же я-то не догадалась?! Тогда вообще все просто: если Пушкин ее придумал, то и мы вполне можем придумать ей обстоятельства, в которых она должна появиться. Или... возьмем, да и симитируем ночь. Шторы задернем, часы переведем, свечи зажжем.
- Бред ты какой-то несешь, Ирка, - скривилась Ксения. - Никогда не слышала, чтобы духов днем вызывали.
- Ничего не бред! Просто никому не приходило в голову попробовать. А нам пришлось, и мы попробуем, вот!
- Я думаю, Дама и со шторами задернутыми разберется, белый день стоит или ночь. И перевод часов тебе тоже не поможет. Ты ее за какого-то ненормального духа принимаешь.
- А она и есть ненормальная! Нормальные тихенько себе в могилках лежат и через зеркала ни к кому не лезут.
- Ну тебя, Ирка! Мастерница ты страху нагонять. Говорю ж тебе - нигде она не лежит, потому как придуманная. Обыкновенный литературный персонаж она.
- Тем более! Ты заклинание для вызова этого персонажа помнишь?
- Надо подумать... Вообще-то у меня память хорошая... Сейчас... Кажется, так:

Изменись, глубина изначальная,
Ты проснись, пробудись, гладь зеркальная,
Отразись в ней, свеча бликовая,
Ты явись нам в ночи, Дама Пиковая...

Глава 12

Цыганки знают все

Не успела Ксения произнести последнее слово, как с грохотом распахнулась вагонная дверь, и из тамбура в салон электрички ввалилась старая толстая цыганка, с седыми патлами, выбивающимися из-под невероятно цветастой шали с кистями. На ней были как минимум три, надетые одна на другую, разноцветные юбки; куртка «Nord». На плече ее висела спортивная сумка «Adidas», а на ногах красовались навороченные кроссовки той же фирмы.

- Сработало! - вздрогнула Сыромятникова и криво улыбнулась. - И без зеркала со свечами... А ты говоришь, бред я несу...

Цыганка чуть постояла в начале вагона, цепким взглядом оглядела редких пассажиров и прямым ходом направилась к девчонкам, прижавшимся друг к другу от страха и неожиданности.

- Чего грустим, красавицы? - растянув в улыбке полный золотых зубов рот, спросила она и так тяжело плюхнулась на сиденье, что оно жалобно пискнуло под ней, а потом даже хрюкнуло.

Вид у цыганки был такой, будто бы она спросила это просто так, для порядка, а на самом деле очень хорошо знала ответ. Девочки, естественно, не проронили ни слова.

- Вот ты, зелененька, - показала она коричневым пальцем с искрящимся перстнем на Ксению, - дай ручку, погадаю! Все скажу, что было, что будет.

- У меня нет денег, - буркнула Ксения, для надежности спрятала руку в карман куртки и добавила: - Я и так хорошо знаю, что было. И даже, что будет, догадываюсь. Хорошего, например, на сегодняшний день не ожидается.

- Без денег нельзя, - проигнорировала ее последние слова цыганка. - За гадание всегда платят.

- Не ясно, что ли: вас никто и не просит гадать, - огрызнулась Золотарева.

Сыромятникова порылась в кармане, достала несколько рублей и сунула цыганке.

- Вот это все, что есть. Возьмите и отстаньте от нас, пожалуйста, - попросила она.

Старуха побренчала мелочью, оценивая на вес полученную сумму, и заявила:

- Добра ты, девка, но толста... Худеть надо. Нынче мужик не тот пошел: худобу ему подавай. И ноги чтобы... от зубов.

- Она не толстая, - почему-то вступилась за Сыромятникову Ксения. - Неужели не видно? У нее просто кость такая - широкая.

- Дык и я про то, - хохотнула цыганка и полюбовалась своими многочисленными перстнями, унизывающими почти все ее скрюченные пальцы. - А тебе, зелененька, и без денег скажу, что дура ты.

- Я и сама знаю, - не обиделась Ксения.

- А того ты не знаешь, что тебе лишь руку протянуть - и радость большая будет. Только ведь ты не протянешь... Ой, не протянешь...

Электричка затормозила. Цыганка, продолжая бормотать: «Ой, не протянешь...» - мгновенно стартовала с места и спортивным шагом чемпионки Олимпийских игр двинулась к выходу. Вскоре зашипели, открывшись, а потом закрывшись, двери, вагон качнулся и поплыл мимо безлюдного перрона. Ксения выглянула в окно, встретилась с пронзительным взглядом старухи, отшатнулась и, привалившись щекой к стене вагона, надолго задумалась. Ирке-Сырку тоже довольно долго говорить не хотелось. Но первой, конечно, отошла от раздумий все же Сыромятникова - она весьма чувствительно пихнула Ксению в бок и спросила:

- Слышь, Золотарева, как ты думаешь, что она имела в виду?

- По-моему, она очень четко сказала, что я дура. Разве ты не слышала?

- Это-то ясно... А вот про руку что-то... Про радость какую-то... Я не поняла.
- Ну как же! Я сначала не протяну за чем-то нужным руку, а потом, очевидно, протяну ноги, и тебе, Сыромятникова, от этого большая радость будет.
- Издеваешься, да? Про меня-то что сказала! Ишь: «худеть надо»... А как тут похудеешь, если конституция такая! Тут что хочешь делай, а не похудеешь!
- Знаешь, Ирка, я, кажется, могу тебе помочь.
- Да ну... - Сырок недоверчиво покосилась на Ксению.
- Точно! Моя старшая сестра, Таня, фитнес преподает в нашем спортивном комплексе. Хочешь, запишемся в ее группу?
- Тебе-то зачем? На тебя дунь - улетишь!
- Для здоровья, Ирка. Меня Татьяна давно звала, а мне все как-то недосуг было да и, честно говоря, лень.
- А может, она меня не возьмет?
- Со мной возьмет. Замолвлю за тебя словечко, так и быть!
- И ты хочешь сказать, что так вот... бескорыстно... после всего... после журнала... поведешь меня фигуру исправлять? Не верю.
- И правильно делаешь. Я очень корыстная!
- И в чем же твоя корысть?
- Я не откажусь от твоего любимого... Григорьева, Ирка.
- Как же так? А как же Германович?
- Германович - никак. Вернее, как хочет, но без меня. А Сергей... Пусть он сам одну из нас выберет.
- Ну, сказанула! И так ясно, что выберет тебя. Он ведь уже выбрал!
- А ты слышала, что цыганка сказала? Не заладится у меня что-то, Ирка, не заладится! Рука какая-то не даст! А тебе мы фитнесом такую фигуру отгрохаем, сам Леонардо ди Каприо из Голливуда прикатит на тебя смотреть. Честное слово!
- Да ладно, - довольно улыбнулась Ирка-Сырок, и ее творожные щеки покрылись красно-кирпичным румянцем. Изюминки глаз опять скрылись в их сладких сливочных складках. Глазированная коричневая челка качнулась надо лбом в такт рывку электрички.
- Ой, смотри, подъезжаем! - Ксения вскочила с сиденья и не хуже стремительной золотозубой цыганки в кроссовках фирмы «Adidas» понеслась к выходу.

Мотоциклист, который перестал быть таковым по причине изъятого мотоцикла, второй день сидел дома под арестом и, к изумлению отца, совсем не просился на волю. Сережа Григорьев

на волю не хотел. Более того – он ее боялся. Он не представлял, как теперь встретится с Ксю. Чтобы Глазированный Сырок согласилась выручить Золотареву с дачи, пришлось многое ей рассказать. А болтуха Ирка наверняка все выложила Ксении. Просить Сыромятникову что-нибудь скрыть было бесполезно.

Сколько себя, столько Сережа помнил и Ирку. Она всегда была круглой, нескладной и очень говорливой. Она опекала его с детского сада, и отвязаться от нее не было никакой возможности. И если до восьмого класса она была просто смешной подружкой, то теперь ежедневно донимала его своей самозабвенной любовью. Весь класс потешался над ней, но впечатления на нее это никакого не производило. Она при всем честном народе могла выложить перед ним на парту сладкий пирожок или поправить ему шарф в школьном гардеробе. Злиться на нее он уже перестал, потому что толку от этого не было ни на грош.

Когда Ирка заметила, что ему нравится Резцова, то самоотверженно начала помогать: рассказывала, что Дианка любит, советовала, как ей понравиться. Когда он спросил ее, зачем она так старается, Сыромятникова совершенно обескуражила его своим ответом. Она сказала, что для нее важно, чтобы ему было хорошо, и что, может быть, когда-нибудь он это оценит. И вот получается, что на данный момент оценка произошла опять не в пользу детсадовской подружки. Сейчас Сергей жалел Ирку больше, чем когда-нибудь, потому что уже месяца два находился в ее шкуре: он делал то, что нравилось Ксении Золотаревой, лишь бы той было хорошо. Надежды, что она это оценит, тоже не было никакой. Ей нравится Германович.

Стас нравится почти всем девчонкам. Исключение составляют Ирка, что понятно, и Диана Резцова. Как ни странно, последнее время Охотница вдруг стала проявлять к нему интерес. Еще немного, и он, Сережа Григорьев, пригласил бы Диану в клуб на дискотеку или просто прогуляться, и вдруг... появляется Ксю, и класс оказывается втянут в хитросплетение интриг. Брошка ненавидит Золотареву за Германовича, Резцова – за него, Сергея, а бедная Сыромятникова вообще потеряла всякую ориентацию в пространстве и мечется в круге, очерченном перечисленными товарищами.

Ну что ж! Скоро кое-что встанет на свои места. Сказка про Ночного Мотоциклиста закончилась. Он снова станет свободен... для Ирки или для Дианы. Но как же это грустно! Как же здорово было носиться по вечерним улицам с Ксю на мотоцикле! Как же она нравится ему! И фиолетовая, и даже так глупо вымазанная зеленкой!

Мама так плакала, когда дочь наконец явилась домой, что Ксении стало очень стыдно и очень дискомфортно. Размазывая слезы, мама утверждала, что зеленый цвет волос ее больше совершенно не пугает. Она теперь видит, что он действительно абсолютно точно попадает в тон любимому свитеру Ксении. А если Ксения захочет, чтобы ее волосы безупречно смотрелись и на фоне цыплячьей футболки с красной надписью «STOP!», то она, мама, сама купит ей нужную краску за любую цену и даже поможет покраситься. Только пусть Ксения никогда больше никуда не пропадает, тем более что папа обещал подарить ей в полное владение свой патронташ и даже кобуру к нему, только, конечно, пустую. В ней очень удобно будет носить носовой платок, ключи от дома и даже некоторое минимально необходимое количество косметики.

В конце маминого душераздирающего монолога Ксения рухнула перед ней на пол и обняла ее за колени. Они обе зарыдали на два голоса, прикинув друг к другу головами и смешав в едином душевном порыве экстремальную зелень волос с мышинной нейтральностью.

Когда обе наконец выдохлись и слезы естественным образом закончились, Ксения спросила:

- Мам! А ты веришь цыганкам?
 - В каком смысле? - насторожилась мама.
 - В прямом. Они же гадают, будущее предсказывают.
 - Брось, они всем предсказывают одно и то же: казенный дом, дальнюю дорогу.
 - И все?
 - Нет, конечно. Они отличные психологи. Видят, что женщина в тоске, значит, скорее всего у нее несчастная любовь. Тут же пророчат ей счастье в личной жизни. А женщине только того и надо, чтобы кто-нибудь ей посочувствовал и веру в лучшее будущее вселил. За это никаких денег не жалко.
 - Бывает же не только несчастная любовь, а и другие неприятности...
 - Цыганка так тебя разговорит, что и сама не заметишь, как все ей расскажешь, а потом будешь удивляться, как это она обо всем догадалась. - Мама вдруг опомнилась и с тревогой посмотрела на дочь. - Ксения! Ты что, с цыганками связалась? Этого еще не хватало!
 - Ничего я не связывалась. Так... Ехала рядом с одной в электричке.
 - Ксения! Нельзя ездить с цыганками рядом! Облапошат - и не заметишь!
 - Чего меня облапошивать? У меня ни денег нет, ни золота. Я думаю, их не заинтересуют мои украшения. - И она кивнула на Темкин подарок - кожаный браслет с кистями, сделанный из старой сумки его мамы.
 - Она тебе что-нибудь сказала?
 - Сказала.
- Мама охнула и замахала руками:
- Не верь! Слышишь, не верь ни единому слову!
 - Не бойся ты так, мамуля. - Ксения поцеловала маму в щеку. - Ничего плохого она не делала. Она мне, наоборот, какую-то радость предсказала и, похоже, боялась, что я мимо нее пройду.
 - Все равно не верь, доченька! Ну их, цыганок!

Глава 13

Спиритический сеанс номер два

В десятом часу вечера к Золотаревым явилась собственной персоной Ирина Сыромятникова с батоном под мышкой. Дверь открыла мама Ксении, и Глазированный Сырок с порога объявила ей, что остается у них ночевать, поскольку ее родители уехали на свадьбу в другой город, а ей никак не открыть захлопнувшуюся входную дверь, так как она забыла ключи на полочке в прихожей, когда отправилась в магазин за хлебом. Мама сочувственно всплеснула руками, вытащила дочь из ванной и в красках описала ей несчастье, приключившееся с ее одноклассницей. Ксения, с волос которой капала зеленая вода, неопределенно махнула рукой,

что означало нечто вроде «пусть проходит», и вернулась в ванную комнату отстирывать свои волосы.

- Ну, ты и здорова врать, Ирка! - восхитилась Ксения, войдя в комнату с намотанным на голове голубым полотенцем. - Так правдоподобно! Еще и с батоном притащилась, конспираторша. Я сама чуть не поверила.

- Ничего я не врала, - тусклым голосом отозвалась Сыромятникова. - Я в самом деле дверь нечаянно захлопнула, по привычке. Мама же у меня всегда дома, потому что домохозяйка.

- И что, родители действительно уехали на свадьбу? - удивилась Ксения. - А я подумала, что ты Пиковую Даму вызывать явилась.

- Они и правда уехали - у меня двоюродный брат вчера женился. Я уже второй день одна дома. Но я в самом деле решила совместить неприятное с полезным.

- То есть?

- Ничего приятного, между прочим, нет - по чужим квартирам кантоваться. Но Даму, я думаю, все же надо вызвать. Пора, как говорится, расставить какие-то там точки.

- Ага! Точки над «i».

- Вот-вот!

- А чего ты так поздно в магазин отправилась?

- Да все потому же. Привыкла, что мама все продукты сама покупает, а тут хватилась - чай попить не с чем.

Ксения сняла с головы полотенце, и Сырок по-мальчишески присвистнула:

- Ну и цвет! Похоже, придется брить.

- Стричься под ежа уж точно, - согласилась Ксения. - Можно, конечно, попытаться перекрасить, но что-то мне это уже начало надоедать.

Сырок оглядела комнату Ксении.

- А у тебя удобно, - заметила она.

- Да, мы с мамой старались, чтобы было уютно.

- Да я не про то. Зеркало не надо из ванной тащить. Твой трельяж даже лучше. И стоит как раз против двери.

- Ага! А если он тоже треснет? Маме не докажешь, что это дело рук Пиковой Дамы.

- Может, все-таки не треснет...

- Может, конечно, и не треснет...

- А свечи у вас есть?

- Не знаю... Только если какие-нибудь остатки. У нас в прошлом году часто электричество отключали, и мама покупала такие толстые, хозяйственные свечи. Сейчас посмотрю.

Ксения вышла из комнаты и через некоторое время вернулась с тремя безобразными огарками.

- Да-а-а... - огорченно протянула Ирка. - А вдруг ей такие не понравятся?

- Старухе, что ли? Перебьется. Зато мыло я принесла душистое - «Апельсиновая ветка» называется.

Сыромятникова с удовольствием понюхала нежно-оранжевый кусочек.

- Только нам с тобой, Ирина, ждать придется, пока родители не заснут, - заявила Ксения.

- Что ж, подождем, - отозвалась Ирка. - Я, знаешь, решила, что днем действительно вызывать духа не стоит. Кто знает, как они, эти духи, себя ведут в нестандартной ситуации. Может, хлопот от них днем-то не оберешься. Лучше, чтобы все было по правилам. А твои к двенадцати, как думаешь, угомонятся?

- Ну, этого я обещать тебе не могу.

Как и в памятную ночь прошлого спиритического сеанса, в ожидании двенадцати часов девочки устали в видик. Только на сей раз предусмотрительно вместо ужасика поставили кассету с любовной историей «Сердце мое».

- Ну и чушь, - сказала Сыромятникова где-то посередине фильма. - Хуже «собаки-оборотня», честное слово! Слушай, а давай я сейчас, пока время есть, «Апельсиновой веткой» зеркало натру. Очень уж большая поверхность... еще не успеем...

- Ир! А может, узкие створки не надо тереть? Их можно за «спину» трельяжа завернуть, чтобы не мешали.

- Ну уж нет! Решили же, что все будем делать по правилам. Не хватало еще, чтобы из-за «спиной» твоего трельяжа потусторонняя тварь свои когти выпустила, из незащищенных-то поверхностей!

- Хватит страх нагонять, - поежилась Ксения и уставилась на экран, где жгучий усатый бразильянец Луис-Карлос в сотый раз говорил своей Кончите, что она его сердце и одновременно горькие слезы.

- Небось потом выяснится, что он ее родной брат, - хихикнула Ирка, - а то к чему бы тут еще и слезы...

Ксения, которая тупо смотрела на экран, не вникая в смысл происходящего в фильме, взгляделась в Кончиту и сказала, что Сыромятникова скорее всего зрит в корень.

В одиннадцать девочки вздрогнули от пронзительного телефонного звонка. Отца Ксении срочно вызвали на работу. Проводив его, мама вошла в комнату дочери, сказала, что идет ложиться спать, чего и им желает, поскольку время уже позднее, а завтра всем рано вставать.

- Видишь, как все хорошо устраивается! - обрадовалась Сыромятникова. - Мама идет спать, зеркало натерто, и времени остается как раз на то, чтобы ей заснуть, а нам физически и, главное, морально подготовиться: полчаса до двенадцати.

За эти полчаса девчонки установили на блюдах огарки свечей, положили на всякий случай перед зеркалом лист чистой бумаги и принялись затыкать щель под дверь толстым зимним шарфом Ксении, чтобы мама случайно не увидела пробивающийся сквозь нее свет от свечей.

- Не знаю только, зачем мы это делаем, - озарило вдруг Ирку, и она перестала засовывать в дверную щель хвост шарфа. - Она же все равно дверь откроет...

- Может, не откроет, а так явится, - пыхтела с другой стороны Ксения. - А вот если мама проснется и заметит свет, все наше гадание накроется медным тазом. Мимо нее никакая Пиковая Дама не проскочит. Так что трудись и не сачкуй!

- А ты темную тряпку приготовила? - спросила Ира.

- Зачем?

- Здравствуй! А чем зеркало закрывать, чтобы она сгнула? Не хватало еще, чтобы она навсегда тут осталась!

- Ой! - Ксения привалилась к дверям. - А у меня и нет. Знаешь, давай шарф вытащим, а в щель чего-нибудь другое запихнем!

- С ума сошла! Десять минут всего осталось. Одеялом придется. Стаскивай с него пододеяльник!

- Зачем?

- Какая ты все-таки тупая, Золотарева! Сказано же было, что тряпка должна быть темной.

- А-а-а... - Ксения бросилась к приготовленной к ночи постели, в два приема вытащила из пододеяльника темно-синее шерстяное одеяло и удовлетворенно заметила: - По-моему, сгодится.

- Самое то, - подтвердила Сырок, зажгла перед зеркалом один свечной огарок и уселась на пуфик, сложив руки на коленях.

- Почему один зажгла? - удивилась Ксения.

- А ты посмотри, какие они крошечные! Враз же прогорят, Даму можем и не дожидаться. Менять будем. Один сгорит, другой зажжем.

- Ты молодец, Ирка, - с уважением отметила Ксения. - С тобой даже не так и страшно. Такая деловая! Чего ж ты у Брошенковой так сильно орала?

- Потому что первый раз. А теперь мы с тобой морально подготовленные. Все! Без двух двенадцать. Начинай читать заклинание.

Ксения уселась подле Ирки прямо на пол, уставилась в глубину зеркала, которая была гораздо темнее, чем в прошлый раз, по причине нехватки свечей, и начала:

Изменись, глубина изначальная,
Ты проснись, пробудись, гладь зеркальная,
Отразись в ней, свеча бликовая,
Ты явись нам в ночи, Дама Пиковая...

Девочки в ожидании прижались друг к другу, перестав дышать, но в комнате ничего не изменилось. Зеркало по-прежнему оставалось темным, слабо отражающаяся в нем дверь и не думала открываться. Ирка отлепилась от Ксении и осмотрела по-прежнему белый листок.

- Пуст, - констатировала она. - А может быть, надо сначала свои вопросы объявить?

- У Брошенковой мы этого не делали, - напомнила ей Ксения.

- Там вообще все было липовое! Нечего и вспоминать. Хочешь, я первая начну?

- Попробуй, - согласилась Ксения дрогнувшим голосом.

Ирка откашлялась и голосом, каким Владимир Пресняков поет про стюардессу по имени Жанна, спросила, глядя в самый центр зеркального мрака:

- Скажи мне, Дама Пиковая, полюбит ли меня когда-нибудь... Сережа Григорьев?

Свеча треснула и мигнула, явно собираясь погаснуть. Ксения, повинувшись Иркиному толчку в бок, быстро зажгла от нее второй огарок, а Сыромятникова сползла с пуфика на пол, поближе к Золотаревой, и, как диспетчер на вокзале, произнесла:

- Повторяю: полюбит ли меня когда-нибудь Сережа Григорьев?

Ответа не было. В зеркале по-прежнему отражались плотно закрытая дверь и две девчоночьи макушки.

- Попробуй ты, - прошептала Сыромятникова Ксении и чуть отползла от зеркала в сторону.

Ксения вздохнула, виновато покосилась на Ирку и спросила почти то же самое:

- Скажи мне, Дама Пиковая, простит ли меня когда-нибудь Сережа Григорьев?

- Мы так не договаривались, - вскочила с пола Сыромятникова, забыв про конспирацию и про длинные руки Пиковой Дамы, появление которых не так давно считала возможным прямо из-за трельяжа.

- А я тебя предупреждала! - не менее громко и неосторожно выкрикнула ей Ксения. - Я говорила еще в электричке, что не собираюсь от него отказываться и пусть он сам выбирает.

На слове «выбирает» со змеиным шипением погас второй свечной огарок, и комната погрузилась в непроглядную тьму. Девочки в страхе замерли, и тут медленно, со скрипом на тонкой ноте, открылась дверь в комнату. В проеме появилась она, Пиковая Дама, всклокоченная, с белым страшным лицом.

Тут уж и Ксения завизжала не хуже, чем в прошлый раз Ирка, а сама Сыромятникова, пожалуй, даже и громче, чем в квартире Брошенковых. Ксения, позавывав еще немного, замолчала, когда поняла, что в их с Иркой дуэт вступил кто-то третий, и сильно толкнула Сыромятникову в бок. Та, захлебнувшись особо изошренной руладой, тоже замолкла, но крик между тем все равно продолжался. Стало ясно, что он исходит от фигуры в дверном проеме.

- Что здесь происходит? - особенно яростно взвизгнула Пиковая Дама и когтистой лапой шлепнула по выключателю.

Комнату залил свет, и девочки произвольно зажмурились.

Когда Ксения на пробу приоткрыла один глаз, в дверном проеме она увидела родную маму, завернутую в одеяло и с выражением дикого ужаса на лице.

- Мама? Это ты? - слабым голосом спросила она.

- Интересно, а кого ты собиралась увидеть? - визгливо спросила мама.

- Пиковую Даму, кажется... - пролепетала Ксения.

- Какой кошмар! - воскликнула мама, уронив на пол одеяло и оставшись в байковой ночной сорочке, вяло-желтенькой, в зелененьких рыбках.

Эта «Пиковая Дама», босая и в рыбках, со стоящими рожками волос мышиноного колера, так рассмешила Ксению, что она повалилась на диван, сотрясаясь от смеха.

- Ой, не могу... - оценив ситуацию, простонала Ирка и осела на пол, тоже хохоча во все горло.

Мама, постояв молча над корчащимися от смеха девочками не меньше минуты, привалилась к дверному косяку и тоже засмеялась сначала нервным, а потом настоящим задорным смехом, каким не смеялась уже очень давно.

Когда все наконец отсмеялись, девочкам пришлось рассказать маме, что они затеяли с зеркалом, с вынутым из пододеяльника синим одеялом и свечными огарками и при чем тут Пиковая Дама.

- Знаете, милые мои, - сказала им мама, - я не очень-то верю в спиритизм и гадания, но все-таки не советую вам заниматься вызовом духов даже в шутку. Не надо совать свой нос в непознанное. Очень легко тронуться умом просто от страха...

- Ага, при виде родной мамы в ночнушке с рыбками, - подхватила Ксения. И все опять рассмеялись.

- А почему вы так непочтительно кричали? - спросила мама. - Любая Дама, хоть Пиковая, хоть Крестовая, в состоянии крайнего оскорбления не явилась бы из принципа.

Девочки сосредоточенно стали разглядывать узоры на обоях в противоположных сторонах комнаты.

- Ясно, - сказала мама. - Вызывали Даму Пиковую, а интерес у вас - бубновый.

- Это еще что такое? - спросила Ксения.

- Вас интересуют мальчики. Я угадала?

- Ну, допустим... - пробормотала Ира.

- И никто другой, кроме Пиковой Дамы, ваши проблемы решить не может?

- Не-а, - помотала головой Сыромятникова.

- Вообще-то мы ставили эксперимент: проверяли, может ли вообще Дама явиться. Девочки говорили, что в лагере она к ним являлась, - сказала Ксения, - и даже на их вопросы отвечала.

- Фантазерки ваши девочки! - заключила мама. - Если кто-то где-то кому-то и является, то не

в детском лагере и не через зеркало, натертое мылом с запахом апельсина.

- Вы думаете, запах может отпугнуть? - предположила Ира.

- Дело не в этом, - улыбнулась мама. - У вас, мне кажется, нарушена чистота эксперимента.

- Что ты имеешь в виду? - спросила Ксения.

- Неужели вы никогда не слышали или не читали, как на самом деле вызывают духов? Самое главное в спиритическом сеансе то, что проводится он с помощью медиума.

- А что это? - спросила Сырок.

- Не «что», а «кто», - пояснила мама. - Это такие особые люди, которые могут входить в состояние транса и беседовать с духами. Был у вас медиум?

- Не-а. - Сыромятникова брезгливо повела плечами. - Еще не хватало, чтобы кто-нибудь при нас в транс какой-то впал. Я вообще бы сошла с ума со страха.

- Вот я и говорю: эксперимент ваш неудачен. А судя по тому, что вы признали за собой бубновый интерес, вам не спиритический сеанс нужен был, а гадание с помощью двух зеркал. Одного мало, хоть чистым апельсином его натирайте.

- Mam! Ну-ка расскажи! - попросила Ксения.

- Ну... я прямо не знаю... И чему вас только в школе учат? В «Евгении Онегине» же все написано.

- А мы еще не проходили. «Евгений Онегин» во втором полугодии будет, а сейчас у нас Чацкий с Молчалиным.

- Во-первых, нельзя гадать, когда левая нога захочет. Есть специальные дни. Лучше всего это делать в январе, на Крещение. Зеркало ничем натирать не надо. И ставить его нужно не против двери, а против другого зеркала, чтобы из многократных отражений получился зеркальный коридор. В том коридоре и должен появиться суженый. А у вас - глупость какая-то! Вы бы еще трельяж к шкафу развернули, чтобы ваша Дама прямо из него и вышла.

- Да, - согласилась Ирка, - это мы и правда как-то не додумали. Получилось, будто бы Пиковая Дама на автобусе приехала, в лифте поднялась и через все двери прошла. Глупость, конечно. Зачем духу двери?

- Я же вам говорила еще у Брошенковых! - напомнила Ксения.

- А еще, когда гадаешь, надо обязательно снимать нательные крестики, - добавила мама.

- Зачем? - испуганно спросила Сыромятникова.

- Затем, что при гаданиях обращаются к нечистой силе, а она ни за что не явится к тому, на ком защитный православный крест. А если и решится явиться, то ничего сделать не сможет.

- Хорошенькое дело! - возмутилась Ира. - Снимать с себя крест перед всякой нечистью... Чтобы она тебя тут же и растерзала?

- Честно говоря, я не очень хорошо во всем этом разбираюсь, - развела руками мама, - но знаю,

что есть и другие способы защиты. Например, обыкновенный поясок есть, оберег. Вообще всякий замкнутый круг – оберег.

- Точно! – вспомнила Ксения. – Помнишь, Ирка, в прошлое воскресенье по телику старый фильм по Гоголю показывали. «Вий» называется. Смотрела? – Ира кивнула. – Там Хома Брут против ведьмы в церкви круг вокруг себя мелом чертил.

- Что-то я не понимаю, – как всегда, засомневалась Сыромятникова и обратилась к маме Ксении: – Вы говорили, православный крест – защита от нечистой силы. Как же тогда к этому самому Хоме нечистая сила в церковь пробралась? Там ведь полным-полно крестов.

- Не знаю, – пожала плечами мама. – «Вий» – все-таки художественное произведение. Что хотелось Гоголю, то он в своей повести и написал. А еще я вам говорила, что лучше не совать нос в непознанное. Все это вызывание духов, общение с ними – целая наука. Как, к примеру, уфология.

- Уфология? А что это? – спросила Ира.

- Наука об НЛО – неопознанных летающих объектах.

- Ой! А вы верите в НЛО? – тут же спросила заинтересовавшаяся Сыромятникова.

- Об НЛО поговорим завтра, а сейчас – немедленно спать! Ведь завтра рано вставать!

- Заснешь тут, как же! – пробубнила Ирка-Сырок. – Духи, ведьмы... «Вия» зачем-то вспомнили... Ни за что теперь не засну.

- Мам! – Ксения опять усадила поднявшуюся было маму на диван. – А ты когда-нибудь гадала в Крещение... ну... с зеркальным коридором?

- Нет, хотя подружки как-то предлагали... Я отказалась. Страшно мне было. Подумала, вдруг что-нибудь такое ужасное увижу, что после и жить не захочется. – Мама оглядела притихших девочек и спросила: – А не желаете ли вы, красавицы, признаться, что спросить-то у Пиковой Дамы хотели? Может, я вместо нее подскажу? Все-таки жизненный опыт у меня побогаче, чем у вас.

- Нет, – тяжело вздохнула Ира. – Вы не сможете. Тут такое дело... что никто не сможет... Полная безнадега...

- Безответная любовь?

- Вроде того...

- У кого? – строго спросила мама, с подозрением глядя на Ксению.

- Да не у нее, – еще тягостнее вздохнула Сырок.

- У тебя, значит, – с некоторым облегчением констатировала мама.

- Ну да...

- Не стоит об этом говорить так безнадежно, Ира. Все в жизни может диаметрально поменяться местами. А если даже и не поменяется, то, возможно, потом, в будущем, ты будешь вспоминать это время как самое счастливое в жизни.

- Это еще почему? - удивилась Ирка.

- Потому что любить - прекрасно! А когда любовь неразделенная, то сила чувств настолько велика, что она вообще никогда не забывается. И между прочим, - мама назидательно подняла палец вверх, - может больше и не повториться.

- Вы правы только в том, что с силой чувств у меня все в порядке. А вот чтобы такое несчастье со мной еще раз повторилось, я совсем не хочу.

- Ты потом еще вспомнишь меня, милая моя девочка. Вот увидишь!

Глава 14

Тест на дружбу, тест на любовь

На следующий день Ксения в школу не пошла. Посмотрев с утра на свои пегие волосы, она решила для начала посетить парикмахерскую и остричь их как можно короче. Но Ирка-Сырок заявила, что прогуливать больше не желает, поскольку ей надо держать руку на пульсе происходящих в классе событий. Это тем более важно, что мама Ксении вчера предположила, что все еще в ее жизни может перемениться. Главное, не пропустить что-нибудь «диаметральное». Она взяла рюкзачок Ксении, чистые тетради и отправилась в школу одна.

После стрижки Ксения все же решила еще раз окрасить волосы. Молодая симпатичная парикмахерша посоветовала ей, какую краску лучше купить, чтобы цвет волос приблизился к ее натуральному. Дома Ксения, преодолевая отвращение к этой процедуре, еще раз окрасила волосы, отгладила стального цвета блузку и начала отпаривать самые скромные черные брюки. И тут из школы явилась Сыромятникова.

- Ну, каков пульс у 9-го «В»? - спросила ее Ксения. - Не частит?

- У 9-го «В» в норме, а у меня частит, - ответила Ирка.

- Почему? Что еще случилось? - Ксения отставила в сторону утюг.

- Я призналась Инессе...

- В чем? - У Ксении опять похолодело в животе.

- Сказала, что это я наставила лишних отметок в журнал.

- Зачем?

- Затем, что это действительно сделала я.

- И она поверила?

- Представь, сразу же.

- И что же теперь будет? Неужели тебя исключат? Ты ненормальная! Я завтра все ей объясню...

- Не исключат...

- Но ведь она же говорила!
- Пугала. Приемчики у наших педагогов, прямо скажем, неслабые! Она сказала, что всегда знала, что это не твоя работа, и хотела, чтобы мы сами признались. Чтобы нам, значит... жаль тебя стало, оттого что ты понесешь незаслуженное наказание. Потом долго нудела, мол, верила в нас, знала, что в 9-м «В» подлецов нет и мы просто иногда по молодости ошибаемся. Ну и еще много-много всякой другой ерунды говорила.
- И тебе тут же стало очень приятно, что Инесса о тебе так хорошо думала?
- Ты очень много остришь, Золотарева. И не по делу, между прочим. А мне и вправду тебя стало жалко. В общем, подумала я: сама такое заварила, мне и расхлебывать! А то нечестно получается...
- Но ведь двойки-то я сама себе ставила!
- А кто тебя подучил?
- Хорошо! А как же журнал? Инесса говорила, что это документ... что он теперь испорчен...
- Все за нас с тобой решили. Те, у кого лишние «пятерки» с «четверками», напишут по какому-нибудь рефератику, чтобы отметки не зря стояли. А вам рядом с лишними «парами» поставят по пятерке, будто бы вы неудовлетворительные отметки пересдали... Знаешь, это все равно что соединить плюс и минус – получается полное ничто. До обидного просто. А я, можно сказать, жизнью рисковала!
- А правда, Ир, как ты умудрилась?
- Лучше и не спрашивай! Врать пришлось всем подряд. Даже неохота рассказывать.
- Не представляю, кому что можно соврать, чтобы журнал заполучить.
- Неопытная ты, Золотарева, как я погляжу. Пришлось Инессе соврать, что директриса просила меня срочно журнал принести.
- И она не спросила, зачем?
- Конечно, спросила.
- А ты?
- А я сказала, что она хочет посмотреть телефоны родителей, которые работают в «Стройполимере».
- Зачем?
- Вот и Инесса спросила: «Зачем?», а я сказала, что Алевтина хочет там заказать линолеум для актового зала.
- Ну ты, Ирка, даешь! А если бы Инесса начала директрису расспрашивать про «Стройполимер» и линолеум?
- Я же говорила, что рисковала, хотя и не очень сильно. Я однажды слышала разговор нашей классной с Алевтиной про этот линолеум и про родителей, которые работают на

«Стройполимере».

- Знаешь, Сыромятникова, я не устаю тобой восхищаться, - заявила Ксения. - В тебе что-то от Остапа Бендера есть. Хорошо еще, что все благополучно закончилось.

- С чего ты решила, что все закончилось?

- Ты же сама сказала, «два» и «пять» дают ноль - и все в порядке!

- Это с журналом все в порядке, а со мной не очень.

- Как?

- Так! Назавтра мою мамашу в школу вызывают для серьезной беседы о том, как надо меня правильно воспитывать, «чтобы никогда больше не повторилась столь ужасающая трагедия». Это я тебе Инессу цитирую. Слово в слово.

- Так твоя мама на свадьбе!

- Сколько ж той свадьбе длиться! Я думаю, родители уже приехали. Отцу в вечер на работу. Я тебе твой рюкзак принесла и задание на завтра.

- Значит, сегодня ночевать не будешь?

Сыромятникова отрицательно покачала головой, посмотрела на Ксению исподлобья и добавила:

- Григорьев, между прочим, о тебе спрашивал.

- Что именно? - напряглась Ксения.

- Переживал, не попало ли тебе за ночное отсутствие.

- И все?

- А что бы ты еще хотела?

Ксения пожала плечами.

- А еще я этих двух куриц к стене прижала, Брошку с Дианкой, на предмет Пиковой Дамы, - продолжила Сыромятникова.

- Ну и...

- Ну и вот! Как и следовало ожидать, они действительно все подстроили: и записку, и старуху эту.

- Как? - ужаснулась Ксения.

- Ну, с проклятием, ты помнишь, мы на месте разобрались. Листочек все же на Дианкином принтере был отпечатан. Дуры! Не могли уж каким-нибудь голубиным пером нацарапать. Роспись бы какую сварганили или хотя бы виньетку срисовали из учебника литературы. В общем, без фантазии девицы.

- А старуха как же?
- Тут они воображения побольше проявили: подговорили сыграть роль Пиковой Дамы Ленкину старшую сеструху. Лицо ей обыкновенной гуашью разрисовали, парик нацепили. И знаешь, где его взяли?
- Ну?
- В школе. В него наш физрук наряжается, когда первоклашкам Деда Мороза представляет.
- Куда ж этот «Дед Мороз» запрятался, когда я его искала? По всей ведь квартире прошлась!
- В чужой квартире разве сразу разберешься, да еще с перепугу! Может, за вешалкой она пряталась, в старой одежде. Или во встроенном шкафу... Я даже расспрашивать девчонок не стала, потому что это, в общем-то, совершенно неважно.
- Что-то здесь не так, Ирка. Уж больно они сами испуганными были! Если сами все придумали, то чего тогда испугались?
- Зеркало-то по-настоящему рассыпалось вдребезги. В самом деле примета наидурнейшая! А потом... ночью очень легко можно испугаться любой ерунды. Правильно твоя мама говорила.
- А чего это они, Ирка, тебе вдруг взяли да все и рассказали? Чем ты их взяла?
- Подходы знаю. Все-таки мы вместе с первого класса учимся.
- Может, поделишься... «подходами»? Не хотелось бы снова к ним в лапы попадать.
- Да все просто. Брошенковой я пригрозила, что расскажу ее ненаглядному Германовичу, как она первого сентября с Сашкой Синицыным из 9-го «А» за школой целовалась.
- Как же она... с Синицыным, если ей Германович нравится?
- Вот так! Стасик еще неизвестно когда раскачается, а Синицын - всегда готов! Чего ж отказываться!
- А ты их сама видела?
- Ага, сама.
- Ирка! - ужаснулась Ксения. - А ты, оказывается, шантажистка!
- С такими, как они, надо бороться их же оружием, - наставительно заметила Сыромятникова. - Иначе не получается.
- Неужели и гордая богиня Диана раскололась?
- Куда ей было деваться? Я с Брошкой при ней разговаривала. Резцова меня, конечно, как и ты, шантажисткой обозвала. А я ей на это ответила, что на них вообще в суд можно подать за натравливание на несовершеннолетних нечистой силы.
- Хочешь сказать, что она испугалась?
- Нисколько. Посмотрела на меня так презрительно и гордо удалилась.

- Ир! А зачем они все это затеяли? Что они от меня хотели-то? Специально ведь пригласили и такое представление устроили...

- Припугнуть хотели. Брошка вся испереживалась, что ты Германовича раскрутишь, а она ни при чем останется. С каким-нибудь второсортным Синицыным.

- Неужели они всерьез думали, что я до такой степени испугаюсь, что откажусь от него?

- От кого? - довольно враждебно спросила Сыромятникова.

- Тогда я думала, что от Германовича.

Ирка хмыкнула:

- А Дианка уже тогда понимала, что не только в Стасике дело.

- Неужели так было заметно, что Григорьев ко мне равнодушен?

- Конечно, заметно. Только ты, как слепая.

- Да-а, - покачала головой Ксения. - Так мне и надо! В результате всего у меня ни Германовича... ни Ночного Мотоциклиста... Я одна, а у тебя крупные неприятности, Ирка. Ты меня прости, если сможешь.

- А ты мне фитнес обещала, - вдруг напомнила Сыромятникова.

- Я помню. Сегодня уже Таньке звонила, прямо на работу. Она разозлилась, что я ее от занятий отрываю, но потом все же записала нас для начала в субботнюю группу. А дальше, говорит, видно будет. Тебя устраивает суббота?

- Меня все устраивает, - сказала Ирка и вдруг... заплакала.

Ксения не знала, как ее утешить, что сказать, потому что понимала: плачет ее новая подружка не из-за вызова родителей в школу, а от своей бесконечной несчастной любви.

- Ир! - наконец нашлась она. - Ну, хочешь, я отошью Григорьева так, что он обо мне и думать забудет? Или... уйду обратно в старую школу. Хочешь?

- Нет, - всхлипывая, ответила ей Сыромятникова. - Если ты уйдешь, Серега все равно меня не полюбит, а у меня и... тебя больше не станет... Как я буду жить дальше? - И Ирка разразилась такими душераздирающими рыданиями, что Ксения побежала за водой с валерьянкой, на ходу вытирая собственные слезы.

Никто еще так из-за нее не убивался и не переживал за нее. Когда она с пристрастием разглядывала в сентябре своих новых одноклассников, ей даже в голову не могло прийти, что смешная толстуха Ирка - Глазированный Сырок так неожиданно станет ей подругой. Ксения напоила ее валерьянкой и твердо сказала:

- Пошли, Ирина, к твоим родителям. Мы обе виноваты - вместе и объясняться с ними будем.

- Ни за что! - тут же перестала рыдать Сыромятникова. - Ты не знаешь мою мамашу. Это вулкан Везувий, а не женщина! Она тут же решит, что именно ты меня научила нехорошему делу, и не разрешит мне с тобой дружить. - Тут Ирка угрожающе придвинулась к Ксении и сурово спросила: - А ты ведь будешь со мной дружить? Говори, когда тебя спрашивают!

- Куда я денусь! - улыбнулась Ксения и подумала, что у Везувия и должен был родиться такой вот толстенький огнедышащий вулканчик. - Пойдем, я тебя провожу, удостоверюсь, что ты домой попала.

- Ирина! Почему ты где-то бродишь без ключей? - Громоподобный голос вулканической мамы Сыромятниковой, перекрыв все уличные шумы, слетел к девочкам с балкона седьмого этажа.

- Иду, мам! - не менее зычно отозвалась Ирка и повернулась к Ксении. - Вот видишь! Не успела приехать - уже бдит!

- Ир! - испугалась Ксения. - А тебя не... того... ну... этого...

- Не-а, - поняла ее Сырок. - Меня не колотят, а только очень громко, долго и нудно воспитывают. Так что не бойся, завтра встретимся, и ты не увидишь на моем толстом теле следов ужасных мучений.

Девочки, ободряюще улыбнувшись друг другу, расстались. Ксения завернула за угол Иркиного дома и налетела на Германовича с полиэтиленовым пакетом, из которого торчали два батона.

- По хозяйству, значит, - кивнула на батоны Ксения.

- Ага, - не смутился Стас. - Есть почему-то иногда хочется. А ты, гляжу, нынче натуральная. И ведь хорошенькая какая! Совсем другое дело! Теперь можно и... того...

- Чего... того? - с вызовом спросила Ксения.

- Ну... ты же, кажется, утверждала, что мне... нравишься...

- И что?

- Ну так вот... это правда. И потому я приглашаю тебя сегодня вечером на променады по нашему району. По-моему, ты так нигде и не была, где стоило бы. Могу показать.

- Промаяхнулись вы немного, Станислав Сергеевич, - с сожалением посмотрела на него Ксения.

- То есть? - решил уточнить Германович.

- Надо было полюбить меня фиолетовой, а натуральной-то всяк полюбит! - перефразировала она старую поговорку.

- То есть... ты меня, Ксения-Ксю, вроде как проверяла на вшивость? Тестировала?

- Ага, - кивнула головой Ксения.

- И я, стало быть, не прошел?

- Стало быть, не прошел!

- Заметь, я твою лягушачью шкуру не жег. Ты сама ее сожгла и в цивильное переделалась!

- Но ведь ты этого хотел! Я тогда только ради тебя в школу совсем другой пришла, а ты надо мной посмеялся. «Ребята, а она мне нравится!» - передразнила она Германовича. - Ты тогда это ТАК сказал, что почище сожжения лягушачьей шкуры было! Испугался ты, Стасик -

Взбитые Сливки, что кто-нибудь что-нибудь не то подумает, когда тебя, такого красивого, с фиолетововолосой увидит! Не так ли?

- Может, и так! Меня, между прочим, до глубины души поразила твой патронташ. Я, признаться, подумал, а не поехала ли у тебя крыша после родительского собрания и истории с журналом.

- То есть ты никогда даже рядом не встал бы с такой уморительно милитаризованной девушкой?

- Пожалуй, не встал бы. И не считаю, что это характеризует меня с очень уж плохой стороны. Ты сама-то пошла бы рядом со мной, если бы я, к примеру, вырядился в водолазный костюм и шляпу с перьями?

- Тогда - пошла бы, даже если бы ты вырядился папуасом. А сейчас, извини, не хочется, хотя на тебе очень модная куртка и ресницы у тебя длинные, - холодно произнесла Ксения и развернулась к своему дому.

- Ты все-таки подумай, - бросил ей в спину Стас, - может, я не такой уж и гад, как тебе показалось.

- Ты не гад, Стасик, - повернула к нему голову Ксения. - Ты вообще очень приятный человек, несмотря на то, что я тут тебе только что наговорила. Просто ты действительно промахнулся... Или лучше сказать - опоздал.

- То есть... кто-то успел? - У Германовича выскочила из рук одна ручка пакета, и к его ногам выпал батон.

Ксения не ответила, подняла батон, сунула его в пакет Стаса и пошла к дому.

Ей было грустно и горько. Все эти два месяца в чужом классе она жила надеждой, что когда-нибудь вот так, как сейчас, близко-близко увидит лицо Стаса и, может быть, даже дотронется до его знаменитых ресниц удивительной длины. И вот она только что рассматривала эти ресницы, стоя рядом с ним, красивым, модно и дорого одетым молодым человеком, и понимала, что ничего ей теперь от него не нужно. И от этого хотелось плакать, как от большой потери.

Дома Ксения плюхнулась на диван и задумалась. Она только что оттолкнула от себя Германовича. Ради чего? Ради кого? Неужели ради непонятого Григорьева? К стыду своему, она сейчас обнаружила, что за два месяца в новой школе, сидя почти рядом с ним, она ни разу не удосужилась внимательно посмотреть на него. Ксения даже не могла как следует вспомнить его лицо. Какие у него ресницы? Глаза? Волосы? - вроде темные... И это все, что она может о нем сказать? Нет, вот еще - он очень легко краснеет, а когда волнуется, смешно картавит. «Рычит», как говорит Ирка. Ей, Ксении, с ним было очень легко, пока она называла его Ночным Мотоциклистом. Он всегда понимал ее. Один лишь он из всего ее окружения! Теперь Ксения не сомневалась, что бежала к нему на свидание не только затем, чтобы покататься на мотоцикле. Ей хотелось быть именно с ним и говорить, говорить, рассказывать о себе... Она безраздельно ему верила, не боялась, что предаст. После того как они познакомились, ей и во враждебном классе существовать стало легче, потому что она знала - вечером ее ждет встреча с настоящим другом. Это потом ей стало с ним трудно, когда она по глупости решила, что за тонированным стеклом шлема скрывает свое красивое лицо Стас Германович. Все сразу испортилось.

Ксения поморщилась. Ей отчего-то стало неудобно. Она посмотрела на свою бегонию и окончательно рассердилась на себя. А собственно, с чего вдруг она так размякла? Ах, какой замечательный Григорьев! Что за прелесть этот Сережа! А чем Григорьев лучше Германовича? Ни разу не подошел к ней в школе. Шлем не снимал. Косил под Стасика. Наверняка тоже стеснялся ее вызывающих нарядов и фиолетовых волос. Да и краснел-то он как раз при виде ее фантастического разреза.

Что ж, стоит, пожалуй, протестировать и Григорьева. Ксения бросила взгляд на часы – 18.00. Времени еще достаточно. Она отодвинула до упора занавеску и водрузила на подоконник свой любимый цветок в белом пластиковом горшке. Может быть, бывший Ночной Мотоциклист, а ныне просто Сережа Григорьев увидит условный знак и явится под фонарь на окружной дороге? Только вот в отличие от Германовича Ксению он встретит прежнюю – ну очень экстремальную! Что ж, продолжим тестирование!

Волосы она больше трогать не будет: саму тошнит уже от переокраски. Она просто наденет задом наперед свой самый улетный кепарик в крупную черно-белую клетку. Вот так! Ксения посмотрелась в зеркало. Отлично! Веки мажем аспидно-черным тоном, ресницы – ярко-зеленой тушью, губы... Вот с губами надо бы покруче: все-таки самая выразительная часть лица. Она поразмышляла немного и решила вопрос довольно просто: к темно-бордовой помаде добавила все тот же черный тон для век. Ксения добавила малиновых румян на скулы, глянула еще раз на себя в зеркало и осталась собой довольна. Ядовито-желтая куртка, блестящие обтягивающие брюки и ботильоны на бешеной платформе в нужный час довершат ее костюм.

Ксения еле дождалась условленного времени и, стараясь не привлекать к себе родительского внимания, выскользнула из квартиры. Встретившаяся ей на лестничной клетке соседка тетя Люда при виде столь сложного макияжа и всего прочего шарахнулась от нее, как от серийного маньяка, и вместо лифта рванула вниз по лестнице пешком, охая и громко стуча каблуками.

Глава 15

Ночной Мотоциклист поднимает забрало

Сергей Григорьев, как и раньше, сидел у фонаря, но не в седле мотоцикла, а на обломке бывшего ограждения дороги.

– Ну, здравствуй, – сказала Ксения, жадно всматриваясь в его лицо. А в нем, как оказалось, не было ничего выдающегося. Самое обыкновенное мальчишеское лицо: светлые глаза, темная челка, падающая на глаза. Он пятерней отбрасывал ее назад, а она опять падала на лицо. Он снова поправлял ее тонкими длинными пальцами, и в этом его жесте было что-то до боли трогательное.

– Здравствуй, – ответил он, и в темноте острым камешком прокатилось слегка грассированное «р».

Ксения видела, что он ошеломлен ее видом, хотя и старается этого не показать. Она еще придумывала, что бы такое значительное сказать ему, как он произнес:

– Прости меня, Ксю.

– За что? – удивилась она.

– За мистификацию. Дурость, конечно...

- Я же сама ее придумала!
- Сама-то сама, но ведь принимала меня за другого.
- Я вполне могла бы догадаться.
- Конечно, могла бы, но... не захотела.
- Верно. Не захотела. Все-то ты про меня знаешь, Сережа Григорьев.
- Больше, наверное, не узнаю. Кончился сериал про Ночного Мотоциклиста. Я теперь безлошадный.
- Где же твой мотик?
- Отец изъязл до тех пор, пока не получу права.
- Все из-за меня?
- Нет. Из-за меня самого. Все это нужно было мне.
- Ты эгоист?
- Не больше, чем все.
- И что теперь?

Разговор развивался совсем не так, как представлялось дома Ксении. Григорьев ничего не просил, не выглядел униженным, жалким или хотя бы растерянным. Может быть, он и краснел, но в темноте она не разглядела.

- Это должна решить ты, - очень серьезно ответил он.
- И тебя все во мне устраивает?
- Нет, не все.
- А что не устраивает?
- Твоя... боевая раскраска, например, не устраивает...
- То есть тебе, как и всем, нравятся отглаженные, завитые, аккуратненькие девочки, типа куколки Барби или Овечки Долли?
- Не знаю, как другим, а мне нравишься ты. Хотя, кажется, я никогда не видел твоего настоящего лица. Один раз ты была без своей ужасной косметики, но смотрела в основном на Стаса. А мне так хотелось, чтобы ты обернулась...

Ксения и ожидала сегодня услышать от Григорьева что-нибудь подобное, но все же от его слов у нее по коже побежали мурашки. Неужели это для нее так важно? Не может быть! Она ведь еще сегодня, каких-то пару часов назад, никак не могла четко вспомнить его лицо...

- А если я останусь при... боевой раскраске?
- Но ведь не навсегда?

- Что ты этим хочешь сказать?

- Ну... может быть, когда-нибудь... ради меня... ты ее смоешь...

- И ты туда же! – рассердилась вдруг Ксения, и все мурашки тут же пропали. – Не можете принять человека таким, каков он есть! Всех надо под себя перестроить, переделать, усреднить. А я не хочу, понятно? Я хочу быть собой! И ни для кого переделываться не собираюсь! – Она отвернулась от Сергея и, подергивая плечами от раздражения, пошла обратно к дому.

Ксения ушла уже довольно далеко от окружной дороги, когда перед ней вдруг всплыло лицо старой цыганки в цветастой шали поверх седых косм. «И ведь не протянешь руки, не протянешь...» – кривился ее золотозубый рот.

Ксения остановилась. Неужели та безобразная старуха в перстнях, кроссовках и со спортивной сумкой «Adidas» все предвидела? Все знала? Нет, невозможно! Этого просто не может быть! Мама же говорила, что цыганки всего лишь хорошие психологи. Они разговорят человека, а потом берут его голыми руками. Но ведь Ксения ничего той цыганке не рассказывала, грубила только. И Ирка ничего не говорила. Она так испугалась старухи, что последние деньги ей сунула, только бы та поскорее убралась, отстала от них. Вот вам и Пиковая Дама... Еще Ксения вспомнила, как перед появлением в вагоне цыганки она прочитала Ленкино заклинание, а Сыромятникова сказала: «Сработало... И без зеркала со свечами...» Цыганка просидела рядом с ними всего минут пять и узнала о них все, хотя они ничего о себе не рассказывали. Это же она велела Ирке похудеть, и они тут же записались на фитнес. Ксения вспомнила пронзительный взгляд, которым на прощание одарила ее старуха. Она откуда-то знала о ее дурацком характере, знала, что Ксения запросто может сама себе все испортить! Вагон проплывал мимо нее, и никого больше на перроне рядом с ней не было. Она как будто специально явилась Ксении, чтобы уберечь ее от неверного шага. «И ведь не протянешь руки...» – без конца повторяла цыганка.

У Ксении быстро-быстро забилося сердце. Только бы успеть! Только бы не потерять его! Может, он еще не ушел, и тогда она...

Ксения чуть не взвыла от досады на себя и бросилась назад.

Сергей все так же сидел на обломке старого ограждения. Ксения перевела дух, сделала последний шаг, положила руки ему на плечи и прижалась раскрашенным лицом к его спине, как делала тогда, когда сидела позади него на мотоцикле. Она опять почувствовала знакомый запах кожи, а щекой ощутила холодок металлических заклепок.

Он совсем не удивился. Будто ожидал, что она вернется. Он только чуть повернул к ней голову и спросил:

- А ты не пожалеешь потом, что я не Германович?

- Знаешь, я сегодня уже говорила с Германовичем...

- И что?

- Ничего. Вообще-то, Сережа, я давно сделала выбор. Почти сразу, как узнала обо всем. Только сомневалась очень... Себя проверяла. А сейчас я специально так раскрасилась... Подумала: если ты от меня, такой, сбежишь, то все не имеет смысла... Тогда я уйду в другую школу. Назад, в ту, откуда пришла.

- Я не мог сбежать. Я же сказал - ты мне нравишься... Только я не хочу больше называть тебя Ксю.

- А как ты хочешь? - дрожащим голосом спросила Ксения, напряженно отстранившись.

Сергей наконец прыгнул с ограды, развернулся к ней лицом и тихо попросил:

- Хотелось бы по-русски - Ксюшей...

По всей коже Ксении опять побежали мурашки. Она дернула плечами, пытаясь прогнать их, и срывающимся голосом ответила:

- Только тебе разрешаю... И Ирке - Глазированному Сырку...

Ксения стащила с головы свой улетный кепарик и его черно-белыми клетками стала стирать с лица сумасшедшую темную помаду и малиновые румяна.

mir-knigi.org